This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PN6505
S5K68
1850
vyp.1

STANFORD
LIBRARIES

ПОПЫТКА-НЕ ПЫТКА,

СПРОСЪ-НЕ БѢДА.

Выпускъ первый.

ХАРЬКОВЪ.

1850.

Printed in Russia

2р Рд

ПОПЫТКА-НЕ ПЫТКА,

СПРОСЪ-НЕ БѢДА,

или

ПОЛНОЕ ЗАЛОЖЕНІЕ ОСНОВАНІЙ

САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ.

ПОПЫТКА-НЕ ПЫТКА,

СПРОСЪ-НЕ ВѢДА,

или

ПОЛНОЕ ЗАЛОЖЕНІЕ ОСНОВАНІЙ

САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ

(умственныхъ или научныхъ,
чувственныхъ или опытныхъ
и
духовныхъ или откровенныхъ).

Нача́ло прему́дрости — страхъ Госпо́день, ра́зумъ же благъ всѣмъ твори́щымъ его̀: благочести́е же въ Бо́га — нача́ло чу́вства, прему́дрость же и наказа́ніе нечести́віи уничижа́тъ.

(*Притч. Сол. Гл. I. ст.* 7).

ВЪ СЕМИ ЧАСТЯХЪ.

ХАРЬКОВЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 16 дня 1849 года.

Московская Духовная Академія.
Цензоръ, Профессоръ Протоіерей *Ѳеодоръ Голубинскій*.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГРАФУ

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ

И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

ГОСПОДИНУ ЧЛЕНУ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА,

Президенту Императорской Академіи Наукъ

и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ Ученыхъ Обществъ Члену

Съ неизгладимой и невыразимой признательностью

посвящаетъ

Семенъ Кованько.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ПОПЫТКУ.

МУДРОСТЬ ОТЪ БОГА,

или

ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИКЪ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ

и глубочайшее незыблемое основаніе

САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ.

Обáче се сіѣ обрѣтохъ, éже сотвори́ Богъ человѣ́ка пра́ваго; и сіи взыска́нія помысло́въ мно́гихъ.

(*Еккл. Гл. VII, ст. 30*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

НАШЕЛЪ, ДА НЕ ОБЪЯВИЛЪ,—ВСЕ РАВНО ЧТО УТАИЛЪ,

или

ПРИЧИНЫ, ЗНАЧЕНІЕ, ЦѢЛЬ, ОЧЕРКЪ И ОГОВОРКИ ПРЕДПРИНЯТОЙ ПОПЫТКИ.

1.

ПРИЧИНЫ.

Попытка-не пытка, спросъ не бѣда. — Всякое открытіе въ наукѣ заслуживаетъ извѣстность, и стоитъ отваги писателя на претерпѣніе нападеній, правыхъ—по новости дѣла, и неправыхъ—по частнымъ взглядамъ и видамъ судей и цѣнителей: мнѣ же казалось, что мое открытіе (не чего либо новаго и небывалаго, а вѣковѣчной и для всѣхъ очевидной истины), взято непосредственно изъ естественнаго развитія человѣка и человѣчества,—изъ бытописнаго развитія Государствъ, и въ особенности Россійскаго,—изъ дѣйствительнаго и современнаго быта народовъ, и примущественно Русскаго,—изъ соглашенія всѣхъ мудрословскихъ (философскихъ) ученій,—изъ соображенія открытій всѣхъ

наукъ,—изъ показаній Священнаго Писанія и ученія Церкви Православной, какъ единственно вѣрной хранительницы и непогрѣшительной истолковательницы Слова Божія.—Можетъ быть, истинное, необходимое, прекрасное для меня, покажется для иныхъ не истиннымъ, не нужнымъ, нелѣпымъ; можетъ быть, и я соглашусь, что они правы съ ихъ точки зрѣнія; но, можетъ быть, съ моей—не только я правъ, но и они меня оправдаютъ, а я и съ ихъ—найду себя правымъ въ теперешнихъ моихъ убѣжденіяхъ. Потому только я и убѣжденъ въ моихъ находкахъ, что, мнѣ кажется, я осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ, повѣрилъ ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и нашелъ правильными, не только на мои, но и на чужіе глаза. *А кто невѣритъ, пусть самъ измѣритъ.*

2.

ЗНАЧЕНІЕ.

Дѣло-то вотъ въ чемъ:

1. Мудрословіе, каково должно быть, кажется достояніемъ цѣлаго человѣчества,—доступнымъ, слѣдовательно, всякому человѣку, достигшему зрѣлаго и не лишенному здороваго ума.

2. Существующія мудрословскія ученія составляютъ частную принадлежность своихъ писателей, недоступную для обыкновенныхъ людей, достаточную только для искреннихъ приверженцевъ, раздѣляющую при томъ безконечно самихъ мудрослововъ. Конечно, въ нѣкоторое оправданіе сего, можно сказать, что почти

всѣ самостоятельные мудрословы—правы или, по крайней мѣрѣ, извинительны, каждый, разумѣется, отчасти, именно, съ своей точки зрѣнія. Часто ихъ недостатки принадлежатъ ихъ времени, обстоятельствамъ, а не имъ; часто вредныя и ложныя слѣдствія, выжатыя изъ ихъ ученій, зависятъ отъ односторонности, крайности, пристрастія, поверхности ихъ послѣдователей.—Почему не смотрѣть оттуда, откуда каждый изъ нихъ смотритъ? Почему не заняться тѣмъ, что̀ каждаго изъ нихъ занимало? Съ одного мѣста все увидишь такъ, съ другаго все иначе; тамъ замѣтишь одно̀, здѣсь — другое; такъ—прійдешь сюда, а этакъ—вотъ куда. Потому они и правы невполнѣ, а только отчасти, именно съ своей точки зрѣнія, что смотрѣли—каждый только съ своей точки зрѣнія, жили только въ свое время и при своихъ обстоятельствахъ. Изъ этаго можно даже заключить, что если они разработали истину по частямъ и съ разныхъ сторонъ; то тѣмъ лучше: остается только примирить различныя ученія, и привести во всеобщую ясность, оставляя все ложное и противорѣчащее, избирая все истинное и согласное. Но если соединимъ всѣ ученія; то произойдетъ мозаическій слѣпокъ, въ которомъ, какъ бы ни подобраны были цвѣта и тѣни, какъ бы ни сливались многоразличные лучи въ одну прекрасную игру свѣта,—всё таки, всмотрѣвшись вблизи и пристально, увидите искусственность и сложность, а не естественность и всецѣлость: если все это не подходитъ подъ одно высшее и непререкаемое начало, относительно котораго всѣ мудрословскія начала видимо казались бы разнонаправленными лучами

одного свѣта. Слѣдовательно, единственно-истинное, обще-человѣчественное Мудрословіе или вовсе невозможно, или можетъ быть достигнуто совершенно другимъ путемъ.

3. Но если бы единственно-истинное, обще-человѣчественное Мудрословіе было вовсе невозможно и составляло пустую мечту, какъ обаяніе, звѣздогаданіе, лицегаданіе и всякія другія гаданія; то такъ же было бы давно оставлено, а не увлекало бы всего человѣчества до того, что нѣтъ вѣка и народа, въ которомъ не являлось бы оно хотя въ видѣ пословицъ, если не цѣлообразнаго ученія;—до того, что каждый человѣкъ всегда опирается на такую мысль, которая кажется ему правиломъ общей мудрости, и ничѣмъ такъ недорожитъ, какъ именемъ благоразумнаго и добродѣтельнаго, (словомъ мудреца): — Мудрословіемъ занимались бы только самые суевѣрные и глупые невѣжды, какъ занимаются колдовствомъ и гаданіями, а не умнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе люди, по строгости въ изысканіи истины — охотнѣе впадающіе въ безвѣріе, нежели въ суевѣріе. Слѣдовательно такое Мудрословіе возможно; но, какъ при своей возможности, еще не существуетъ въ извѣстныхъ ученіяхъ, то, значитъ, оно можетъ быть достигнуто только совершенно другимъ путемъ. Именно: вмѣсто раздѣльности и *свода* ученій, оно должно быть всецѣло; вмѣсто искусственности и произвола ихъ,—оно должно быть естественно и необходимо.

4. Что бы явить естественность и всецѣлость истины, надобно быть справедливымъ вполнѣ, для всѣхъ

и всегда, а не отчасти, въ извѣстное время, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; а для этого надобно пережить жизнь каждаго, передумать думы каждаго — въ его время, въ его обстоятельствахъ, и при всемъ томъ не зависѣть ни отъ времени, ни отъ обстоятельствъ, ни отъ какихъ личныхъ особенностей, что̀ для человѣка совершенно невозможно! Но есть всеобъемлющій, вѣчный Умъ и Отецъ Мудрости. Она истекла отъ Него струею чистою, свѣтлою, невещественной, духовной (Кн. Прем. Сол. Гл. VII, ст. 25—27); но вещественное тѣлесное русло̀ всосало ее въ свои тёмныя, грязныя по́лости, засори́ло растворомъ собственныхъ частицъ, потемнило тѣлесной плёнкой, и просо́чило потомъ въ видѣ собственныхъ родниковъ и перемежающихся источниковъ. Начните отъ сего Великаго, Вѣчнаго, Вездѣсущаго и Всевѣдущаго Мыслителя—Мудреца, и обойдите потомъ всѣхъ мудрослововъ; или начните съ нихъ, и потомъ придите къ Нему: во всякомъ случаѣ вы увидите, что только у Него сходятся концы всѣхъ концевъ въ одну простую всецѣлую истину — для всѣхъ, всегда и вполнѣ справедливую, въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ времени (кн. Еккл. гл. VII, 30). Но какъ достиженіе такой истины не возможно для человѣка собственными силами и составляетъ однакожъ высшую необходимость; то истина сія искони открыта ему Самимъ Богомъ, по неизмѣримой благости: Мудрословіе же, какъ возможное и составляющее второстепенную необходимость, предоставлено Премудростію Божіею труду человѣческому.

5. И такъ, поелику истинное Мудрословіе должно— съ одной стороны быть обще-человѣчественнымъ и естественно-доступнымъ каждому здравомыслящему человѣку, съ другой же — развить всецѣлую и совершенно-необходимую истину, и какъ оно съ одной стороны хотя и возможно, но не вполнѣ осуществлено, а разработано по частямъ и выражено туманно для не посвященныхъ въ его таинства, съ другой же — не можетъ безъ помощи Откровенія развить всецѣлую и совершенно-необходимую истину: то, чтобъ быть общечеловѣчественнымъ, оно должно выходить изъ *опыта* вѣковъ и народовъ; — чтобъ быть естественно понятнымъ для каждаго здравомыслящаго человѣка, оно должно *изводить* свои умозрѣнія въ *обликъ* общаго здраваго смысла; — чтобъ развить истину всецѣлую и совершенно-необходимую, оно должно быть проникнуто Божественнымъ Откровеніемъ; и тогда только станетъ оно на основаніяхъ незыблемыхъ.

Кто же этаго не знаетъ, безъ всякой *Попытки?* что это за находка, и что въ ней новаго? — Находка, моя состоитъ въ открытіи основаній Мудрословія, вовсе не новыхъ, всѣмъ давно извѣстныхъ, и потому нерѣдко забываемыхъ, а новость въ упрощеніи этой науки до общепонятности: ибо *нашелъ, да не объявилъ, такъ все равно, что утаилъ!* И такъ — *Попытка — не пытка, спросъ — не бѣда.* — Но что это за *Попытка?* — *Попытка* — доказать законную принадлежность открытыхъ нами основаній истинному Мудрословію, — изложить ихъ въ научномъ видѣ, — потомъ, взглянувъ на бытопись Мудрословія, вывести заключеніе объ отно-

шеніяхъ онаго къ Премудрости Божественной и къ наукамъ человѣческимъ, и представить краткій очеркъ истиннаго—по нашему *Мудрословія*: попытка—основать *Самобытное Русское Народное Мудрословіе.*

3.

Ц Ѣ Л Ь.

Цѣль этой *Попытки* двоякая: *личная*—удовлетворить внутреннее стремленіе къ изложенію задушевныхъ мыслей, и *наличная*—открыть новую сторону въ наукѣ;—показать Православнымъ, въ предосторожность, какъ мудрствуютъ тщеславные, а тщеславнымъ, какъ премудрость просто *открывается* Православнымъ;—доказать необходимость, и убѣдить просвѣщеннѣйшихъ, даровитѣйшихъ и умнѣйшихъ людей,—эту великую, обсуживаемую здѣсь, истину доказать числительно, развить въ науку, изложить бытописательно.—Не могу выполнить такого предпріятія, но мечтаю составить предначертаніе самаго дѣлопроизводства. Иной посмѣется, иной пожалѣетъ; иной и посмѣется, и пожалѣетъ, и поправитъ дѣло—сдѣлаетъ лучше. *Попытка—не пытка, спросъ—не бѣда.*

4.

О Ч Е Р К Ъ.

Я вовсе не заботился о расположеніи частей моего сочиненія, и представилъ все въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ раждались по зачатіи *Попытки*,—какой, однакожъ, оказался, на мои глаза, удобнѣйшимъ и по надлежащей въ послѣдствіи повѣркѣ.

1. Круженіе Мудословія по собственнымъ слѣдамъ есть вѣрный признакъ заблужденія: стало быть, оно не на истинномъ пути. Различіе и взаимное противорѣчіе ученій показываетъ ихъ односторонность, поверхностность, частность; но не принадлежатъ ли различныя стороны къ одному и тому же очертанію, различныя поверхности—къ одной и той же внутренности, различныя части—къ одному цѣлому?—Сверхъ того, Мудословіе, развиваясь изъ самаго себя во всякомъ ученіи, вращается около начала, большею частію принятаго извнѣ: слѣдовательно, нетолько не грѣшно Мудословію, но и спасительно—принять общее для всѣхъ ученій начало—въ высшей степени достовѣрное, несомнѣнное и очевидное. *Опытъ* семи тысячелѣтій показалъ, что человѣку, въ падшемъ его состояніи, невозможно уже самому по себѣ открыть прямой путь къ истинѣ, тѣмъ болѣе—заглянуть въ ея внутренность и привести всѣ мудословскія начала въ одно общее и всецѣло истинное; но не возможно ли это Богу?—Никто изъ Православныхъ и не сомнѣвается въ томъ, что невозможное намъ—Ему возможно. Присмо́тримся же внимательно: не всякая ли мудрость есть или слабый отблескъ, или искаженіе Премудрости Слова Божія? Истина сія до такой степени непререкаема, что и глубочайшія изысканія и *умозрѣнія* Мудослововъ, непосредственнымъ *опытомъ* жизни и простымъ взглядомъ на природу, сами открываются всѣмъ народамъ, и выражаются повсюду въ ходячихъ изъ устъ въ уста пословицахъ. Слѣдовательно, одинъ источникъ здраваго смысла у простолюдина и выспренняго ра-

зума у Мудрослова. Къ этому-то источнику и должно обратиться для утоленія повсюдной и всегдашней жажды мудрости! — Я говорю о Премудрости Божіей, какъ объ источникѣ, изъ коего все истекло, который въ существѣ своемъ недоступенъ непосредственному нашему произволу, и открытъ для всѣхъ въ Словѣ Божіемъ. Но дерзкой умъ, (если это не самое безумье), соглашаясь на то, что все содержащееся въ Священномъ Писаніи принадлежитъ всему человѣчеству, — основываясь на семъ же положеніи, спроситъ: не есть ли, слѣдовательно, и это измышленіе человѣческое? и съ этаго пути не собьешься ли опять на тѣже, какъ съ тѣхъ на этотъ?—На первое скажемъ мы съ православными; нѣтъ! а на второе: *вольному воля, и спасенному рай; гдѣ видѣнъ путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой!* Еслибъ это было измышленіемъ человѣка, то, право, онъ не уступилъ бы его Богу: ибо онъ и на собственныя измышленія для того только и пускался, чтобы поставить ихъ на мѣсто Слова Божія и всѣ успѣхи своего развитія приписать самому себѣ. Случалось и то, что нѣкоторые смѣльчаки суевѣрно принимали, или умышленно выдавали собственныя грёзы за непосредственное имъ Откровеніе Божіе; но отъ чего это? въ первомъ случаѣ отъ обожанія своего ума вмѣсто самаго Бога; а во второмъ отъ зависти истинному Откровенію: и въ томъ и въ другомъ скорѣе отъ присвоенія себѣ дѣлъ Божіихъ, нежели отъ уступки своихъ Богу. — Божественность Священнаго Преданія и Писанія неопровержима,—по указанію Бытописи, по-

чему оно и есть единственный источникъ истинной мудрости и незыблемое основаніе истиннаго Мудрословія.

Вотъ все содержаніе *Попытки*, вполнѣ развитое въ первой части, составляющей введеніе!—Для чего же написаны прочія части?—Для того, что введеніе только указываетъ на основанія Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія, но еще не предлагаетъ ихъ въ *наличности:* надобно ихъ осмотрѣть, усвоить и утвердить.

2. Какъ наука никогда не состоится безъ научнаго начала, то и слѣдуютъ за введеніемъ во-первыхъ *Умственныя* или *Научныя Основанія Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія.*—Намъ скажутъ: нѣтъ у насъ *научныхъ* основаній, да еще при томъ и *самобытныхъ!*—такъ! надобно же когда-нибудь имѣть ихъ. *Съ міра по ниткѣ, убогому рубашка.* Посмотримъ на другихъ, и попытаемся сами: *спытокъ-не убытокъ; ушелъ, не ушелъ, а побѣжать можно,* только подъ условіемъ: *слушай людей, а свой толкъ имѣй,—свой умъ-царь въ головѣ,* пусть *самъ Богъ на разумъ наведетъ.* И такъ, заложимъ *Умственныя* или *Научныя основанія!*—Здѣсь разсматриваются давнымъ давно извѣстныя *исты* (идеи) *истины* или *правды, блага* или *добра, лѣпоты* или *совершенства,* такъ какъ найдены господами мудрословами,—показывается зыбкость самомудрія и необходимость Богомудрія.

3. Казалось бы, и всё тутъ:—нѣтъ! Дѣйствительно ли такое высокое ученіе входитъ въ общій здравый смыслъ, и тѣмъ болѣе—въ простонародный Русскій толкъ? о чемъ и какъ умствуетъ народъ? и подтверждается ли то *умозрѣніе* этимъ *опытомъ,*—или, дру-

гими словами, можно ли на *опытѣ* народа основать Мудрословіе?—Вмѣсто отвѣтовъ и доказательствъ предлагается подлинникъ *Чувственныхъ* или *Опытныхъ Основаній Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія.*

4. Но, дѣйствительно ли Слово Божіе, требующее безусловной ему покорности, умудряетъ умъ нашъ, а не связываетъ его (если не безуменъ такой вопросъ)? какъ и какія библейскія начала удобно полагаются въ основаніе мудрословнаго зданія?—Опять вмѣсто отвѣтовъ и доказательствъ предлагаются въ подлинникѣ *Духовныя* или *Откровенныя Основанія.*

5. Правъ ли я, или нѣтъ,—успѣшенъ, или нѣтъ; а необходимо же показать: изъ какихъ бытописныхъ данныхъ взялъ я мысль мою? какъ мудрость, данная человѣку Богомъ, извращена, искажена въ теченіи временъ,—и какъ: при такомъ извращеніи, искаженіи мудрости человѣческой, сохранена въ человѣчествѣ Премудрость Слова Божія?

6. Если даже и все такъ, какъ будетъ сказано, то, поелику и Слово Божіе, и Мудрословіе, и всѣ науки человѣческія ведутъ чуть ли не къ одной цѣли—знанію истины, хотя различными путями и съ различнымъ успѣхомъ,—нельзя же не спросить: въ какихъ отношеніяхъ находится Мудрословіе къ Слову Божію и къ наукамъ человѣческимъ?

7. Наконецъ, въ оправданіе всего сказаннаго, остается показать на дѣлѣ возможность—построить на заложенныхъ нами основаніяхъ зданіе просторное, но простое и прочное. Для сего прилагается краткій очеркъ полнаго изложенія Науки Мудрословія.—Только.

5.

ОГОВОРКИ.

Такая отважная *Попытка* не имѣетъ, конечно, права выйти на поприще Науки безъ надлежащихъ оговорокъ. Важнѣйшая оговорка наша сдѣлана уже въ изложеніи причинъ, значенія, цѣли и очерка оной диковинной *Попытки;* но мы считаемъ необходимымъ отвѣчать еще на предполагаемые намъ вопросы: не теряетъ ли наше Мудрословіе всеобщности, при своемъ очевидно самобытномъ Русскомъ народномъ направленіи—въ духѣ Православія? не впадаетъ ли въ *Училищность* (схоластику) или *Таинственность* (мистицизмъ)? Что это за языкъ? наконецъ, какъ смотрѣть на достоинства и недостатки *Попытки?*—отвѣчаю въ слѣдующихъ пяти отдѣлахъ.

1. Если, обнявши предлагаемую мысль, скажутъ: это скорѣй Православіе или только православное любомудріе, нежели Мудрословіе!—то мы, съ Православными, отвѣтимъ таковымъ: мудрость, противополагающая себя Православію, есть суемудріе, а наука такой мудрости—суесловіе. Мы принимаемъ всѣхъ не православныхъ, какъ ближнихъ, какъ братьевъ; но не должны перенимать ихъ суемудрія. Мы готовы принять всякую заморскую мудрость, но когда она оглашена гласомъ истины Евангельской, введена въ Православіе.—Иной скажетъ, что Православіе принадлежитъ только Православнымъ, и заключаетъ въ себѣ только Православіе, а Мудрословіе принадлежитъ все-

му человѣчеству, и заключаетъ истины всеобщія и необходимыя?—а мы, съ Православными, скажемъ: что то за всечеловѣчественное Мудрословіе, которое, принадлежа точно міробожнику и самобожнику, всебожнику и безбожнику, — не принадлежитъ Православнымъ,—не принадлежитъ всему человѣчеству и за исключеніемъ Православныхъ, а принадлежитъ однимъ только мудрователямъ, Мудрословамъ и хитрословамъ исключительно? Что то за всеобщія и необходимыя истины, о которыхъ никто, кромѣ Мудрословія, и думать не хочетъ,—безъ которыхъ всѣ, кромѣ его очень хорошо обходятся, и между которыми не достаетъ дѣйствительно только одной истины, о которой не только цѣлое человѣчество, но и Мудрословіе вѣчно заботится, и безъ которой давнымъ давно погибло бы все безвозвратно? Должны ли, и могутъ ли всѣ быть Мудрословами? но всѣ и должны и могутъ быть Православны и любомудрыми—по Православію. Православіемъ-то наше Мудрословіе и общечеловѣчественно.

2. Вы скажете: это дѣло Вѣроученія, существующаго независимо отъ Мудрословій?—Такъ? пусть Вѣроученіе и существуетъ неприкосновенно для суетной пытливости, какъ независящее отъ насъ; но Мудрословіе очень отъ него зависитъ, и, выбиваясь изъ сей зависимости, дѣлается суесловіемъ. Я не обращаю ни Мудрословія въ Вѣроученіе, ни Вѣроученія въ Мудрословіе, а говорю только по убѣжденію, что всѣ познанія наши основываются на *чувствѣ* или *опытѣ*, *умѣ* или *наукѣ*, *духовномъ вѣрованіи* или *Откровеніи*, и что, при недостаткѣ одного изъ сихъ основа-

ній, Мудрословіе—*и шатко, и валко*—до того, что, бываетъ жалко. Смѣйтесь нашей жалости, жалѣйте о нашемъ смѣхѣ; но помогите общему горю, нашему и Вашему,—доразумѣйте сами, и вразумите насъ.

3. Можетъ быть, скажутъ, что излагаемая мною мысль принадлежитъ съ одной стороны *Училищникамъ* (схолостикамъ) среднихъ вѣковъ, съ другой — *Таинственникамъ* (мистикамъ) всѣхъ временъ. Но кажется, я избѣгъ, сколько можно, и училищническихъ обликовъ Хрістіанства въ Мудрословіе, и таинственническихъ притязаній на сношенія человѣка съ Богомъ; а что Христосъ есть Божія Премудрость—это не Училищное Мудрословіе, а ученіе Евангельское;—что въ Немъ соединяемся мы съ Богомъ — это не Таинственность мудрословская, а Божественное Откровеніе.

4. Относительно языка думаю, что мнѣ надлежало въ этой *Попыткѣ* выражаться словами Русскими, общепонятными, избѣгая словъ иностранныхъ или такъ называемыхъ техническихъ терминовъ. Если смѣшна замѣна иностранныхъ словъ Русскими; то, значитъ, что смѣшно у насъ самое значеніе словъ иностранныхъ,—что онѣ не на своемъ мѣстѣ,—что онѣ не выражаютъ понятій Русскаго ума и отношеній Русскаго быта,—что онѣ, слѣдовательно, смѣшны сами: если же бываютъ не смѣшны и умѣстны, въ народномъ изложеніи науки, слова иностранныя, по мѣрѣ необходимости; то тѣмъ болѣе не смѣшны и умѣстны въ немъ соотвѣтствующія имъ слова Русскія.—Для ученыхъ, желающихъ понимать выраженія отечественныя, и для неученыхъ, обязанныхъ знать чужеземныя, я объяс-

няю вводимыя мною Русскія слова иностранными, въ скобкахъ; но нѣкоторыя и изъ нашихъ словъ замѣняю другими, кои казались мнѣ приличнѣе значенію. Такъ, я предпочитаю *Мудрословіе* не только *Философіи*, но и *Любомудрію*, гдѣ надобно выразить не любовь, а науку Мудрости;—*испу*—*идеѣ* и даже *понятію* чего, *изводъ*—*формѣ* и *облику*, дабы выразить при наличномъ представленіи и личное наше въ немъ участіе;—*личность* и *наличность*—*субъекту* и *объекту*, —*подлежательности* и *предлежательности* или *предметности*, по ихъ простотѣ, ясности и удобности.—Наконецъ, правъ ли я, или виноватъ,—смиренно полагаю предъ правосудіемъ Науки повинную голову, но налагаю дерзкую руку на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Мудрословія,—на *волю*, поставляя на ея мѣсто *совѣсть*,—не произвольно, а добросовѣстно: *совѣсть добрая*—*гласъ Божій* (имущымъ таинство вѣры въ чистѣй совѣсти. I. Том. Гл. III. ст. 9.).

5. За предметъ *Попытки*, какъ бы она ни была неудачна, бояться нечего: онъ самъ за себя постоитъ. Бояться за самаго себя было бы съ моей стороны малодушно и безразсудно: ибо самый безпристрастный судъ будетъ только милостью, уже потому что безпристрастенъ, а самое строгое осужденіе только справедливостью, если оно заслужено. Я боюсь за тѣхъ, кои могутъ мои недостатки приписать самому предмету, и чрезъ то безпощадно и непростительно обмануть самихъ себя.—Всѣ достоинства, если онѣ есть въ моей *Попыткѣ*, принадлежатъ исключительно одному предмету, а не мнѣ; всѣ недостатки, сколько ихъ ни есть,

принадлежать исключительно одному мнѣ, и никакъ не предмету.—Я не выработалъ, какъ должно, моихъ основаній, моихъ *истъ*; но *золото и въ грязи блеститъ*. Онѣ легли увѣсисто—по собственному ихъ вѣсу; но не гладко, и, можетъ быть, какъ бы не связно: потому что это—*самородокъ* (Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія)—и требуетъ еще искусственной художественной отдѣлки.—При недостаткѣ моихъ способностей, знаній, средствъ, времени и самаго терпѣнія—сдѣлать, что хотѣлось,—безспорно и самое намѣреніе не имѣетъ никакой личной заслуги, никакой личной важности, но, и при наружномъ разрушеніи *Попытки*, истина останется незыблема и, рано или поздно, восторжествуетъ, какъ только обратятъ на нее вниманіе умы сильные, просвѣщенные, благонамѣренные, благоспоспѣшествуемые обстоятельствами.

Блеснуть искуствомъ я ни мало не искалъ: что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ *. Нисколько необольщаясь писательскимъ успѣхомъ, *я за вкусъ не ручусь, а горячо состряпою*. Съ душевнымъ удовольствіемъ сдѣлалъ бы лучше; но, ей, ей, не могу!

1847 г.

---

* Слова Харьковскаго Стихотворца Акима Нахимова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

МУДРОСТЬ—ОТЪ БОГА,

или

ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСТОЧНИКЪ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ И ГЛУБОЧАЙШЕЕ НЕЗЫБЛЕМОЕ ОСНОВАНІЕ САМОБЫТНАГО РУССКАГО НАРОДНАГО МУДРОСЛОВІЯ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЧТО ВЗЯТО, ТО—СВЯТО,

или

ОБЗОРЪ ПОПЫТКИ ВЪ ГЛАВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЯХЪ.

=

1.

Источникъ истинной мудрости.

Исто́чникъ прему́дрости—сло́во Божіе въ вы́шнихъ, и ше́ствія ея́—запове́ди ве́чныя (кн. Прем. Іис. сына Сир. Гл. I, ст. 5). Слово Божіе, какъ источникъ премудрости для человѣка, можетъ быть принимаемо въ двухъ значеніяхъ: въ значеніи Слова, предвѣчно рожденнаго, всетворящаго Бога—Слова или самой Премудрости Божіей (Ев. отъ Іоанн. Гл. I, ст. 3); и въ значеніи Слова, открываемаго въ Священномъ Писаніи. Въ семъ послѣднемъ значеніи, Слово Божіе есть для насъ единственный источникъ истинной мудрости и

глубочайшее основаніе Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія,—источникъ всѣмъ открытый,—для всѣхъ доступный, какъ струя воды живой, предъ всѣми уже текущая. Такимъ образомъ самая Премудрость Божія недоступна человѣку, но ея шествія обозначены предъ нами заповѣдями вѣчными или неизмѣнными законами бытія естественнаго и дѣятельности нравственной, то есть, *сущности* всего *сущаго*; мы не можемъ постичь ее, не можемъ, такъ сказать, достичь, нагнать, но можемъ итти за нею по слѣдамъ ея, можемъ слѣдовать за нею, и ее изслѣдывать, если только попадёмъ на путь ея шествій, а не на распутія блуждающаго ума. Безопасный выходъ, благонадёжная исходная точка Мудрословія можетъ быть только на семъ пути истинной мудрости. Какъ же удостовѣриться въ томъ, что мы вступили на этотъ невидимый путь, если не по теченію предъ всѣми открытаго Источника Премудрости? Идите за его струями,—и вы—на пути истины;—всѣ пути и перепутья, всѣ взгляды и виды открываются съ одной точки зрѣнія,—всѣ предметы предстаютъ въ истинномъ разстояніи, видѣ и свѣтѣ,—всѣ цѣли приближаются. Вы не пойдете уже съ тѣмъ или другимъ мудрословомъ исключительно путёмъ *опыта*, или *умозрѣнія*,—*недовѣрчивости*, или *легковѣрія*. Вы не раздѣлите уже взглядовъ, *чувственнаго* (сенсуалистическаго) и *умственнаго* (идеалистическаго), *вещественнаго* (матеріальнаго) и *духовнаго* (спиритуалистическаго), а возсоединивъ ихъ—озарите свѣтильникомъ *вѣры*, осѣняемой собственнымъ смиреніемъ. Вамъ уже не представится, какъ нѣкоторымъ изъ по-

койныхъ мудрослововъ, міръ—безъ Бога, или міръ—Богомъ,—человѣкъ безъ души, или человѣкъ безъ тѣла,—Богъ, какъ естество міра, или Богъ, какъ мысль человѣка. Обратясь къ одному предмету, Вы не потеряете другихъ изъ вида; они предстанутъ предъ Вами совмѣстно и неслитно: Богъ, какъ свободный Творецъ и Промыслитель міра и человѣка,—міръ, какъ вещественный храмъ Божій,—человѣкъ, какъ первосвященникъ Всесовершеннаго Бога. Вы заглянёте въ самихъ себя: и тамъ различите, поученію Св. Апостола Павла (1 Посл. къ Солун. Гл. V, ст. 23), *тѣло*, *душу* и *духъ*. Углубитесь ли Вы въ *духъ* свой?—и въ три-единомъ существѣ *ума*, *совѣсти* и внутренняго *чувства* или *сердца* увидите, какъ солнце въ каплѣ воды, изображеніе Три-единаго Бога. Устремитесь ли Вы къ цѣлямъ какимъ?—и міръ въ образахъ, и *духъ* Вашъ въ *истахъ истины*, *блага*, *лѣпоты*, представятъ Вамъ Премудрость, благость, всемогущаго Бога,—а Божественное Откровеніе покажетъ ясно, какъ все истинное, доброе, прекрасное вытекаетъ единственно изъ Слова Божія—въ томъ, или другомъ значеніи, и, опредѣляя, до чего доходитъ *умъ*, что лежитъ на *совѣсти*, какого должно быть внутреннее *чувство* или что должно наполнять *сердце*, сообщитъ надлежащее направленіе и высшеее развитіе наукѣ, жизни, искусству,—наведетъ Васъ на *вѣру*, *надежду*, *любовь*, замыкающія полный кругъ нашей дѣятельности,—вводящія внутрь насъ, при помощи Благодати, и сохраняющія въ чистотѣ сей самый источникъ премудрости—Слово Божіе въ вышнихъ и шествія ея—

заповѣди вѣчныя. И такъ, *Начало* премудрости—страхъ Божій; *Исходная точка* Мудрословія—совмѣстное изученіе природы и человѣка, при свѣтѣ Священнаго Писанія; *Способъ* онаго—нераздѣльно *опытный*, *умозрительный* и *вѣровательный*, по свойству изучаемыхъ предметовъ;—*Содержаніе*—все *сущее:*-слѣдовательно, Мудрословіе, или Наука Мудрости есть изслѣдованіе *сущности* всего *сущаго.*—Не владѣя запасомъ и силами, необходимыми для постройки такого зданія, поспѣшимъ утвердить уже пріобрѣтенныя основанія. Что̀ взя́то, то̀—свято.

2.

Несовершенство существующихъ Мудрословій.

Предъ нами—*міръ;* въ насъ—*человѣкъ;* надъ нами—*Богъ:* вотъ, по́просту, *все сущее.* Но, какова *сущность* сущаго? вотъ вопросъ, который съ самаго начала предложило себѣ Мудрословіе, и который оно все еще рѣшаетъ и до сихъ поръ, употребивъ къ тому разные пріёмы и способы, и все не разрѣшаетъ, навѣрное—и не разрѣшитъ никогда, не только окончательнымъ и непререкаемымъ образомъ,—не разрѣшитъ даже относительно—удовлетворительнѣйшимъ образомъ, доколѣ будетъ утверждаться на тѣхъ же основаніяхъ, неполныхъ и отъ того шаткихъ,—и въ слѣдствіе этаго употреблять тѣже исходныя точки, односторонніе,—тѣже пути, косвенные,—тѣже пріёмы и способы недостаточные и затруднительные. Что же необходимо требуется дѣлать для того, чтобы эту вѣчнорѣшаемую

и неразрѣшимую до сихъ поръ задачу Мудрословія можно было надѣяться разрѣшить, наконецъ, удовлетворительнѣйшимъ образомъ, сколько суждено здѣсь постигать человѣку?—Кажется, если неошибаемся, вотъ что: 1) необходимо углубить основанія, полныя и незыбкія, отъ чего и все остальное легко уже упрочится; 2) необходимо перемѣнить исходную точку, установить ее не тамъ, гдѣ она обыкновенно устанавливалась Мудрословами до сихъ поръ; 3.) Надобно перемѣнить самый путь, какимъ доселѣ шло Мудрословіе къ своей цѣли; 4.) Надобно перемѣнить пріемы и способы, какіе употреблялись Мудрословами, для относительно удовлетворительнѣйшаго разрѣшенія задачи. Но какъ, при перемѣнѣ основаній зданія, само собою можетъ открыться и все прочее, требующее перемѣны, то сосредоточимъ—теперь вниманіе наше на основаніяхъ Мудрословія.

Одни изъ Мудрослововъ, основываясь на чувствахъ, исчерпали *опытъ*; другіе, основываясь на умѣ, исчерпали *умозрѣніе*; третьи, встревоженные рѣзкими, какъ бы равносильными противорѣчіями чувствъ и ума, усомнились въ основательности ихъ показаній, и, не находя въ себѣ другаго основанія, впали во всеобщее *сомнѣніе*; четвертые, для избѣжанія всѣхъ волненій и бурь, обратились къ *вѣрѣ* и погрузились въ таинственность: каждый Мудрословъ, при возможной для него самостоятельности, болѣе или менѣе подходитъ подъ одинъ изъ сихъ отдѣловъ; нѣкоторые же предпринимали благоразумное примиреніе всѣхъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ, но не съ окончательнымъ успѣхомъ.

Ясно, что всѣ эти основанія не полны, а потому и шатки: поддерживая зданіе съ одной стороны, онѣ даютъ ему падать съ другой; отъ односторонности же своей онѣ и способны поддерживать однѣ крайности зданія, до коихъ дѣйствительно всегда и доходили. Эти-то крайности зданія Мудрословія, чрезъ мѣру выдаваясь, неоднократно обрушались на сдѣланныя связи, и тѣмъ разрушали всякое соединеніе. Очевидно, что для прочности здѣнія сего, необходимо сплотить самыя основанія крѣпко связывающими пазами и шипами, возсоединяя чрезъ то оныя и приводя какъ бы въ одно всецѣлое основаніе, могущее поддерживать всю постройку равномѣрно со всѣхъ сторонъ. Вгляните на мысль человѣка обыкновеннаго и Мудреца, на развитіе одного народа и цѣлаго человѣчества! Каждаго изъ нихъ порознь и всѣхъ вообще *опытъ* жизни доводитъ до духовныхъ *вѣрованій* и наводитъ на *умозрѣнія*; вездѣ духовныя *вѣрованія* даютъ направленіе и *опыту* и *умозрѣнію*; всегда *умозрѣніе* имѣетъ и основаніемъ и цѣлью *опытъ* и относительно духовныхъ *вѣрованій* отсылаетъ насъ къ Откровенію, или само развивается видимо подъ его вліяніемъ, а въ противномъ случаѣ обращается въ суемудріе. Таково единство основанія мысли въ человѣкѣ и человѣчествѣ: почему же нѣтъ сего въ Мудрословіяхъ?—потому, что Мудрословія выходили каждое изъ одной совершенно отличной отъ другихъ головы, подъ вліяніемъ мѣста, времени, внѣшнихъ обстоятельствъ, внутренняго расположенія, цѣли и произвола.

3.

Основанія истиннаго Мудрословія.

Истинное Мудрословіе должно выходить изъ *опыта* цѣлаго человѣчества всѣхъ вѣковъ, какъ *умозрѣніе*, доступное каждому,—подъ вліяніемъ духовнаго *вѣрованія* или *Откровенія*, единственно—истиннаго, еще первенцу земли даннаго. Дѣйствительно, размышляя о *сущности сущаго*, мы основываемся на *чувствахъ* или *опытѣ*, *умѣ* или *наукѣ* и *Откровеніи* или духовныхъ *вѣрованіяхъ*; по этому и *основанія истиннаго Мудрословія* трояки: *Чувственныя* или *Опытныя*, *Умственныя* или *Научныя* и *Духовныя* или *Откровенныя*. Первыя почерпнуты человѣчествомъ изъ *опыта* жизни народовъ, и разсѣяны въ пословицахъ и изреченіяхъ; вторыя изысканы глубокими размышленіями и тонкими соображеніями сильныхъ и просвѣщенныхъ умовъ, и выражены въ особенно устроенныхъ ученіяхъ (системахъ); третьи даны самимъ Богомъ въ Откровеніи, и хранятся въ Словѣ Божіемъ, или Священномъ Писаніи.

4.

Возможность Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія.

Здѣсь дума Русскаго останавливается....обращается на самоё себя....думаетъ, гадаетъ, и невольно заключаетъ: не даромъ, быть можетъ, не безъ цѣли Промысла, являемся мы на поприще Всемірной Бытописи, особливо по просвѣщенію, позже другихъ народовъ; не даромъ,

быть можетъ, просвѣщеніе наше заимствуется у предшественниковъ и сверстниковъ, а принимаетъ направленіе совершенно иное; намъ, быть можетъ, суждено окончательно понять суетность и причины суетности всѣхъ прежнихъ усилій Мудрословія — разрѣшить общую всему человѣчеству задачу; не напрасно, быть можетъ, и нашъ духъ народный именно такого направленія, что живо требуетъ примиренія, соглашенія, соединенія всего *человѣческаго* съ *Божескимъ*, не можетъ ни начто рѣшиться, ничего предпринять смѣлаго и великаго, малаго и вседневнаго, въ отдѣльности отъ воли Божіей, приступая ко всякому дѣлу съ задушевнымъ *Господи, благослови*, преодолѣвая трудности съ ободрительнымъ *что Богъ дастъ,—буди во́ля Его свята́я*, оканчивая все съ радостно и печально торжественнымъ *слава Богу*, внося въ *гласъ народа гласъ Божій*, сознавая, что *въ злохудо́жественную душу не внидетъ премудрость*, принимая за *начало премудрости страхъ Господень*, и утверждаетъ, что *всякая премудрость отъ Бога*, что его самъ *Богъ на разумъ наведетъ*.

5.

Содержаніе Попытки.

И такъ, имѣя въ виду источникъ истинной мудрости и несо́вершенство существующихъ Мудрословій, незыблемыя основанія истиннаго Мудрословія и, предполагаемую—по всей вѣроятности, возможность Самобытности Русскаго Народнаго Мудрословія,—*у́бѣдимся*,

на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, *что всякая премудрость* происходитъ *отъ Бога*, или какъ слабый отблескъ, или какъ искаженіе Премудрости слова Божія, а потому возстановляется, очищается, дѣлается истинною только посредствомъ возсоединенія съ своимъ источникомъ; — *заложимъ* прочныя *Основанія Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія, Умственныя или Научныя, Чувственныя или Опытныя и Духовныя или Откровенныя; — взглянемъ на сохраненіе* въ человѣчествѣ, дѣйствіемъ Промысла, *Премудрости Божественной, и на извращеніе,* самими нами, *мудрости человѣческой; разсмотримъ отношенія истиннаго Мудрословія къ Премудрости Слова Божія и къ наукамъ человѣческимъ;* наконецъ, *попытаемся представить,* какъ прямое слѣдствіе всего сказаннаго, *Краткій Очеркъ полной науки Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія. Гласъ народа — гласъ Божій* * опредѣляетъ нашу точку зрѣнія, направляетъ взглядъ нашъ, сообщаетъ намъ пріемы и способы, даетъ предметъ, обликъ и самый духъ нашему Мудрословію; такъ что *Попытка* наша представляетъ не сочиненіе, замышленное однимъ человѣкомъ, а собраніе *доводовъ опыта, выводовъ ума* и *наведеній откровенія*, взятыхъ изъ

---

* Употребляя эту пословицу, должно разумѣть народъ богомудрый, естественно развивающійся подъ вліяніемъ Правительства и Церкви; ибо шумъ всякаго возстанія есть не гласъ покойнаго и миролюбиваго народа, а крикъ мятежа — въ заблудшей толпѣ — отголосокъ воплей лукаваго; гласъ же народа, посмыслу этой пословицы, выражаетъ незыблемое нравственное правило мудрости.

Бытописи человѣчества и пословицъ, какъ устнаго преданія умственнаго развитія, изъ существующихъ Мудрословій и книгъ Священнаго Писанія.

Сообразно съ предметами и пріёмами изложенія одной господствующей мысли, *Попытка* раздѣляется на семь частей, необходимо выполняющихъ ея цѣлость и составляющихъ, каждая по́рознь, по своему предмету и пріёму, особенное цѣлое. Разсмотримъ ихъ содержаніе, каждой отдѣльно, во взаимной, однакожъ, и общей между ими связи, какъ части одного, раздробленнаго, для ясности, умозаключенія.

6.

Содержаніе частей Попытки.

1. Если *Мудрость отъ Бога*, если *начало премудрости—страхъ Господень* (Іис. сын. Сир. Гл. I, ст. 1.—Притч. Сол. Гл. I, ст. 7.), что очевидно, ибо мудрствующее твореніе ниоткуда болѣе не могло получить ее, какъ только отъ своего Творца, подобно движенію, получаемому снарядомъ (маши́ною) отъ самаго снаряди́теля (машини́ста),—употребляемъ же мы ее правильно и неправильно по предоставленной намъ свободѣ; то, слѣдовательно, *Богъ создалъ человѣка праведнымъ и мудрымъ, а мы сами опутали себя множествомъ суетныхъ по́мысловъ* (Еккл. Гл. VII, ст. 30). Эта суета по́мысловъ и служитъ источникомъ безуспѣшности Мудрословій человѣческихъ, и доказываетъ, что надобно обратиться къ источнику Божественной Премудрости, которая, очевидно, и на человѣческую

мѣрку, превосходнѣе нашихъ мудрованій во всѣхъ отношеніяхъ. Мысль эта разлагается въ слѣдующихъ статьяхъ сей первой главы, а развивается и доказывается въ слѣдующихъ главахъ первой части или введенія, для уясненія взгляда на полагаемыя *основанія Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, и для доказательства законной принадлежности сихъ же основаній единственно—истинному, общечеловѣчественному Мудрословію. Будемъ вѣровать, надѣяться, любить,—и насъ самъ *Богъ на разумъ наведётъ*.

2. Если такъ, то *человѣкъ постигаетъ тайны природы, и дѣлаетъ великія открытія и изобрѣтенія, потому только, что его учитъ сама Премудрость, все создавшая*. И какъ истинная Мудрость одна, и Мудрословіе—истинное должно быть одно, различныя же ученія (системы) и различныя взгляды произошли отъ уклоненій, частностей, крайностей и поверхностности; то истиннаго Мудрословія можно приблизительно достичь, только сближая, сличая всѣ ученія, и ограничивая одно другимъ, возсоединяя всѣ взгляды въ одну верховную точку зрѣнія, и повѣряя свои соображенія, заключенія и новыя измышленія Ученіемъ Божественнымъ. *И елика скрыта, и явна познахъ; всѣхъ бо художница научи мя премудроетъ* (Прем. Сол. Гл. VII. ст. 21). Не даромъ добрый народъ нашъ говоритъ: *слушай людей, а свой толкъ имѣй,—свой умъ—Царь въ головѣ*, а Русской умъ—вѣра, Православіе.

3. А если и это такъ, то, значитъ, въ каждомъ человѣкѣ есть болѣе или менѣе той вдохнутой Богомъ въ пе́рвенца земли вмѣстѣ съ духомъ, поте́рянной нами,

возстановляемой Откровеніемъ, мудрости, въ первобытной чистотѣ или въ потемнённомъ и изуродованномъ видѣ; и слѣдовательно цѣлый народъ всегда выражаетъ мудрость человѣческую, свойственнымъ ему образомъ, дальше или ближе подходящую къ Премудрости Божественной, такъ что *гласъ народа — гласъ Божій*. Такъ собраніе Русскихъ пословицъ, поговорокъ, присловій, изреченій, и самыхъ пріёмовъ ума и думы, обращающихся въ устахъ Православнаго народа, расположенное въ видѣ полнаго изложенія одной великой мысли духа народнаго, представляетъ подлинникъ *Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, и содержитъ высокія *исты* Науки въ простыхъ вседневныхъ выраженіяхъ, съ сохраненіемъ печати Божественнаго вліянія.—Но останется ли, такимъ образомъ, Мудрословіе *самобытнымъ* и мышленіе *самостоятельнымъ* когда мы, усвоимъ всѣ разнородныя начала и подведёмъ ихъ подъ одно, заимствованное изъ Откровенія, и будетъ ли такое Мудрословіе *общечеловѣчественнымъ*, которое можетъ назваться *народнымъ*?—Совершенно *останется* и *будетъ*, по свойству ума человѣческаго—зависѣть всегда отъ внѣшней, внутренно разсматриваемой, истины—и изводить ее изъ себя въ собственномъ своемъ обликѣ, и по силѣ всякой народности—выражать общечеловѣчественное свойство своими особенными мѣстными чертами, или—въ своихъ рѣзкоотдѣльныхъ чертахъ удерживать видимо общечеловѣчественную принадлежность. Это свойство самымъ неизгладимымъ образомъ отпечатлѣно на умѣ Русскомъ, переимчивомъ и гибкомъ, но упругомъ, и потому по-

стоянно удерживающемъ главное свое направленіе, при всѣхъ разностороннихъ движеніяхъ, при всѣхъ сообщаемыхъ ему уклоненіяхъ. О пословицахъ нашихъ смѣло можно сказать: *сихъ бо послушавъ мудрый, премудрье будетъ, а разумный строительство стяжетъ: уразумѣетъ же притчу и тёмное слово, рече́нія же премудрымъ и гада́нія.* (Притч. Сол. Гл. I, ст. 5—7).

4. А какъ все это — именно такъ, то приблизиться или возвратиться къ истинной мудрости можно — только подчинивъ себя непосредственно Божественному Ученію. Для открытія *сущности міра*, сколько это намъ здѣсь необходимо по видамъ Про́мысла, Священное Писаніе представляетъ намъ его *начало*, храненіе Богомъ въ *настоящемъ видѣ* и предстоящій ему конецъ. Далѣе. *Человѣкъ*, по тѣлу, есть земля; по жизни внѣшней онъ есть членъ міра, и зависитъ отъ міра и времени; по духу онъ — выше земли, по жизни внутренней — свободенъ отъ міра и времени. *Духъ* его обнаруживается *умомъ*, *совѣстью* и *внутреннею чувствительностью*; а потому Слово Божіе показываетъ ясно: *до чего доходитъ умъ? что лежитъ на совѣсти? каково должно быть внутреннее чувство?* — Но если сущность міра и человѣка, даже по земнымъ нашимъ потребностямъ, познается только изъ Слова Божія; то тѣмъ болѣе о Сущности Божіей необходимо спросить у Самаго Бога. Сущность Его сокрыта отъ насъ, но по безпредѣльной благости своей. Онъ открылъ намъ свои творческія отношенія къ творенію въ *Книгѣ* своей, открылъ намъ свои Божескія и отеческія отношенія къ намъ — особливо въ пророчествахъ, земной жизни

Спасителя и въ Ученіи Самаго Бога-Слова. Чего Онъ не открылъ о себѣ, того мы и знать не можемъ; а что Онъ самъ открылъ намъ о себѣ, того достаточно для счастія земнаго, временнаго и для блаженства небеснаго, вѣчнаго. Чего же болѣе искать намъ внѣ ученія Божественнаго? *безконечное умноженіе книгъ неудовлетворитъ насъ, и обширная ученость напрасно ослабитъ тѣло* (Еккл. Гл. XII, ст. 12).—Конечно умный умствователь, слѣдуя буквально Откровенію въ истинахъ превышающихъ умъ нашъ, не споткнется, при ученыхъ изслѣдованіяхъ предметовъ-доступныхъ человѣку,—на букву, присобленную къ языку—самому общенародному, къ понятіямъ людей самыхъ невѣжественныхъ и чувственныхъ.

5. Итакъ *источникъ премудрости—Слово Божіе въ вышнихъ, и шествія ея—заповѣди вѣчныя* (Прем. Іис. сын. Сир. Гл. I, ст. 5). Такъ Бытопись показываетъ, что Премудрость Божія ведётъ родъ человѣческій постоянно къ одной предназначенной Ею цѣли, при всѣхъ его уклоненіяхъ. Одни изъ людей, озаботясь точнымъ только выполненіемъ неизмѣнныхъ законовъ Божественной Премудрости, сохранили въ чистотѣ и простотѣ Ея ученіе; другіе, увлекаясь развитіемъ и воспроизведеніемъ изъ себя этихъ законовъ бытія или сущности, какъ заповѣдей вѣчныхъ, разошлись въ разныя стороны, пересѣклись въ путяхъ своихъ, дошли до послѣднихъ крайностей въ нихъ, покушались итти далѣе, сбивались на прежніе собственные слѣды свои, предпринимали обратное шествіе для возвращенія въ точку общаго выхода и взаимнаго въ ней возсоедине-

нія, и сходились дѣйствительно, но не въ потерянномъ средоточіи, а потому расходились опять, и кружатся доселѣ по собственнымъ путямъ, какъ бѣлка въ колесѣ клѣтки своей. Между тѣмъ, какъ частные мыслители заблуждаются, народы сохраняютъ, каждый въ своемъ видѣ, печать Божественной мудрости на общемъ здравомъ смыслѣ; и между тѣмъ, какъ многіе народы влекутся еще косвеннымъ стремленіемъ и паденіемъ, цѣлое человѣчество идётъ, и становится ближе къ цѣли, незамѣтно самому себѣ. Такъ ужасы злодѣйства—рѣже; сила тѣлесная уступаетъ умственной, умственная—духовной, христіанской. Правда, что коварства нынѣшнихъ людей, основанныя уже не на тѣлосложеніи, а на умоухищреніяхъ,—тѣмъ неотразимѣе, но онѣ, большею частію, для собственнаго успѣха въ личной выгодѣ, обращаются къ такимъ предпріятіямъ, гдѣ требуется участіе многихъ; а общество почти никогда не идетъ на зло умышленно, и дѣлаетъ добро не умышленно, подъ вліяніемъ житейскихъ разсчётовъ и необходимости, законовъ и самаго Промысла. Самыя суетныя потребности новыхъ временъ должны прикрывать себя благимъ намѣреніемъ, а потому вовсе безъ намѣренія служатъ къ какому нибудь добру, и, несоставляя достоинства потребителей, нерѣдко бываютъ урокомъ для наблюдателей.—Мудрословіе же въ самой борьбѣ съ Христіанствомъ послужило ему невольнымъ паденіемъ своимъ къ стопамъ его, и наконецъ сдѣлалось служителемъ его по собственному убѣжденію. Опытъ человѣчества благоговѣйно повторяетъ и приводитъ въ сознаніе самонадѣяннаго Мудро-

словія божественныя слова Священнаго Писанія: *видѣхъ попеченіе всяческое, еже даде Богъ сыномъ человѣческимъ, еже пещися въ немъ. Всяческая, яже, сотвори добра (суть) во время свое: ибо всякій вѣкъ далъ есть въ сердце ихъ, яко да необрящетъ человѣкъ сотворенія, еже сотвори Богъ отъ начала и даже до конца* (Еккл. Гл. III. ст. 10—11). Такое сознаніе заставляетъ мудрость человѣческую и гордое самоувѣренное Мудрословіе-смириться предъ простотою проповѣди Евангелія и воспринять чистыя струи изъ источника Премудрости Божественной: а *здѣсь что-взято, то-свято.*

6. Стало быть, истинное Мудрословіе должно быть истиннымъ, точнымъ и чистымъ отраженіемъ Премудрости Божественной, и, разлагая отражаемый лучь въ наукахъ, жизни, искусствахъ,—должно вносить во всѣ наши знанія, дѣла и чувствованія, свѣтъ небесной истины; а для повѣрки ихъ и себя—воспринимать и возсоединять свойственные имъ цвѣта въ единый животворный лучь вѣры, доказывая, такимъ образомъ, что *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ.*

7. Наконецъ, если, въ заключеніе *Попытки,* по разложеніи принятаго начала Мудрословія на возможныя части,—вовсоединимъ данные *доводы опыта, выводы ума, наведенія Откровенія* въ общій итогъ; то получимъ, такимъ образомъ, какъ необходимое слѣдствіе всѣхъ положеній, какъ *гласъ народа—гласъ Божій, Краткій Очеркъ Полной Науки Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія,* въ слѣдующихъ чертахъ.

7.

Содержаніе Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія.

I.

УМОЗРѢНІЕ (ТЕОРІЯ) или ОТВЛЕЧЕННОСЛОВІЕ (МЕТАФИЗИКА).

1. Существословіе (Онтологія).

1. Все сущее существуетъ подъ условіемъ только воли Божіей. Безъ Бога нѣтъ ни *да* ни *нѣтъ*. Самъ Богъ не можетъ не существовать, какъ Существо существъ, хотя бы и ничто не существовало.

2. Мірословіе (Космологія).

2. Міръ (вещественный, нравственный и духовный) есть дѣйствительное (вещественное, нравственное и духовное) выраженіе или осуществленіе Божія благоволенія о его существованіи.

3. Душесловіе (Психологія).

3. Человѣкъ, какъ существо нравственное, то есть, вещественно-духовное, изображаетъ самаго Бога въ мірѣ вещественномъ, — совершенно свободенъ, — и, по причинѣ свободы, подлежитъ вѣчному оправданію или осужденію.

4. Богословіе (Теологія).

4. Богъ есть свободный Творецъ всего сущаго; въ существѣ своемъ Онъ не постижимъ человѣку въ здѣш-

ней жизни, но доступенъ сознанію нашему по Своимъ дѣйствіямъ—въ твореніи, и по своимъ отношеніямъ къ намъ—въ Откровеніи.

II.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ (ПРАКТИКА).

1. Умословіе (Логика).

5. Величайшій подвигъ ума—вѣра, Православіе.

2. Нравоученіе (Этика).

6. Величайшій подвигъ разумно-свободной воли — признаніе владычества совѣсти, закона, Самодержавія.

3. Лѣпословіе (Эстетика).

7. Величайшій подвигъ внутренней чувствительности или сердца, истинное совершенство наше—любовь къ Богу и ближнему.

4. Законоположеніе (Политика).

8. Дѣйствительное осуществленіе *вѣры*, *надежды*, *любви* въ обществѣ, какъ приложеніе къ дѣлу общихъ самостоятельныхъ *истъ* (идей) *истины* или *правды*, *блага* или *добра*, *лѣпоты* или *совершенства*,—выполняется только Самодержавіемъ, какъ истиннымъ образомъ на землѣ Богоправленія на небѣ.

III.

СОЗЕРЦАНІЕ.

1. Міръ—въ его явленіяхъ (Міросозерцаніе).

9. Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ. Міръ—въ явленіяхъ своихъ показываетъ премудрость, благость, всемогущаго Творца.

2. Человѣкъ—въ бытописномъ развитіи (Человѣкосозерцаніе).

10. Человѣкъ—въ бытописномъ развитіи выражаетъ совершенную свободу—въ дѣйствіяхъ своихъ и неуклонное правленіе Промысла—въ послѣдствіяхъ дѣлъ его.

3. Богъ—въ Откровеніи (Богосозерцаніе или Богословіе Откровенное).

11. Богъ—въ Откровеніи есть благосердый Отецъ всѣхъ человѣковъ, воспитывающій ихъ и приготовляющій для возведенія изъ славы въ славу.

4. Церковь—въ собственномъ значеніи (Церквосозерцаніе).

12. Церковь, въ собственномъ значеніи—Православная, есть единственно вѣрная хранительница и непогрѣшительная Истолковательница Слова Божія, а потому—успѣшнѣйшая наставница въ истинной мудрости.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НАЧАЛО ПРЕМУДРОСТИ СТРАХЪ БОЖІЙ,

или

ОТНОШЕНІЯ УМСТВЕННЫХЪ ИЛИ НАУЧНЫХЪ ОСНОВАНІЙ МУДРОСЛОВІЯ КЪ ДУХОВНЫМЪ ИЛИ ОТКРОВЕННЫМЪ.

Взглядъ, самый даже бѣглый, на отношенія мудрости человѣческой къ Премудрости Слова Божія открываетъ неизмѣримую разность между ими—по древности, объему, исходной точкѣ, пути, способу, устройству,—удостовѣряетъ насъ въ происхожденіи мудрости отъ Бога и убѣждаетъ самонадѣянное Мудрословіе въ необходимости обратиться къ истинному и чистѣйшему источнику мудрости.

1.

ДРЕВНОСТЬ.

Нѣтъ никакой возможности разрѣшить, безъ помощи Откровенія, происхожденіе человѣка и его мудрости. Всѣ предположенія, какъ бы ни были замысловаты,

приведутъ къ заключенію, что человѣкъ—неизвѣстно, откуда произошелъ, и какъ умудрился. Но Христіанамъ стыдно не знать и несознавать той великой и простой истины, что мудрость — отъ Бога (Іис. сын. Сир. Гл. I, ст. 1—4.—1 посл. къ Кор. Гл. II, ст. 7); что Богъ создалъ человѣка совершеннымъ; что этотъ человѣкъ передалъ потомству мудрость, принятую имъ отъ Бога вмѣстѣ съ подобнымъ самому Богу духомъ, хотя, какъ падшій уже, не вполнѣ и не въ совершенствѣ; что эта мудрость, въ предавшихся собственнымъ помысламъ, была постепенно потемняема, искажаема, теряема, и, наконецъ, замѣнена всеобщимъ суемудріемъ (Еккл. Гл. VII, ст. 30), такъ что и лучшіе изъ Мудрословъ представляютъ только слабый отблескъ, а всѣ прочіе совершенное искаженіе истинной мудрости. Въ этомъ смыслѣ премудрость Слова Божія древнѣе всѣхъ Мудрословій не только четырьмя или пятью тысячелѣтіями, прошедшими отъ перваго человѣка и перваго ему—по паденіи Откровенія до первыхъ Мудрословъ Индіи и Греціи, но и цѣлою предвѣчностью (Іис. сын. Сир. Гл. I, ст. 1; 4—5.—1 посл. къ Кор. Гл. II, ст. 7). Истинная мудрость искони составляла непосредственное вѣдѣніе Творца, сколько, по Его благоизволенію, потребно здѣсь человѣку (къ Римл. Гл. I, ст. 19) и созерцаніе въ твореніи присутствія силы Его и Божескихъ совершенствъ (къ Римл. Гл. I. ст. 20); но какъ, еще съ паденіемъ перваго человѣка, по его ослѣпотствованіи себя, померкъ въ немъ естественный свѣтъ ея: то Богъ благоволилъ восполнить сей недостатокъ тогда же свѣтомъ Откровенія (1 посл. къ Кор.

Гл. I, ст. 21), изъ коего и видно, что мудрость наша—до паденія состояла въ непосредственномъ вѣдѣніи Бога (къ Римл. Гл. I, ст. 19), а потомъ заключилась въ гаданіе о бытіи и законѣ Его по естеству среди людей, водившихся только закономъ естественнымъ, и въ вѣру во Христа, сперва грядущаго, потомъ пришедшаго (1 посл. къ Кор. Гл. I., ст. 21—25), среди людей просвѣщаемыхъ откровеніемъ Божественнымъ, и что наконецъ въ жизни будущей она раскроется, какъ совершенное познаніе Бога (1 посл. къ Кор. Гл. XIII, ст. 11—12).—Что же сказать о Мудрословіи? Откуда вѣчное круговращеніе умственнаго міра и примѣтное сходство многихъ мыслей у древнихъ и новыхъ народовъ всѣхъ странъ, при совершенно противныхъ и произвольныхъ направленіяхъ Мудрословій? — Во первыхъ, отъ единства умственной и тѣлесной человѣческой природы, одинаковыхъ потребностей, и сходства внѣшнихъ обстоятельствъ; во вторыхъ, отъ знакомства народовъ; а въ третьихъ, преимущественно, отъ единства первоначальнаго Откровенія, которое, при разсѣяніи народовъ, по причинѣ разнообразія устныхъ преданій, хотя и потеряло свою свѣтлость, однакожъ въ Еврейскихъ священныхъ книгахъ и въ переводахъ сихъ книгъ, осталось въ той же чистотѣ и ясности. Извѣстно пребываніе Евреевъ въ Египтѣ, въ Вавилонѣ и прочихъ земляхъ восточныхъ; извѣстны ихъ торговля и мореплаваніе, приносившее великіе доходы Царямъ Іудейскимъ; извѣстна слава Моисея, Даніила и ихъ вліяніе на языческія ученыя общества. Появленію всѣхъ Мудрословій всегда и вездѣ предшествовали или

Священное Преданіе, хотя бы то и въ испорченномъ видѣ, или Книги Священнаго Писанія, или Ученіе Церкви, или вообще Христіанскія сочиненія. Всѣ сіи и другія сношенія могли, сколько нибудь, роднить въ мысляхъ разныя страны древняго и новаго міра.— Путешественники говорятъ, что въ послѣднемъ углу Сѣверной Америки существуетъ крайне дикій народъ, у котораго сохранилося преданіе, что они переплыли туда чрезъ море, что ими управлялъ самъ О, то есть, Богъ, и что ихъ *старшій* ходилъ къ О, на гору, для полученія наставленій (Ист. Фил. Арх. Гавр. 1840 г. Ч. V. § 137, стр. 84).

2.

ОБЪЕМЪ.

Отъ объёма *умственныхъ* или *научныхъ основаній* Мудрословія естественно зависитъ объемъ и цѣлаго зданія, слѣдовательно, достаточность или недостаточность, удобство или неудобство—1, внѣшняго вида, или, какъ говорится, *исходной точки;* 2, пути, или вхо́да и вы́хода; 3, *способовъ* и *пріёмовъ*, или послѣдовательныхъ переходовъ; и, наконецъ, 4, самаго помѣщенія, или внутренняго устройства.

Научныя основанія Мудрословія, какъ зёрна сѣменныя, въ коихъ заключается, и изъ коихъ выходитъ полное дерево своего рода и вида, можно выразить, какъ принятыя начала, совершенно пословичнаго свойства, слѣдующимъ образомъ: 1. *Чувственное* (сенсуалистическое): *чего нѣтъ въ чувствѣ, того нѣтъ и въ*

умъ, или: *изъ ничего не выйдетъ ничего;*—2. *Выспренное* (идеалистическое): *познай самаго себя*, или: *я мыслю*, —*слѣдовательно и существую;*—3. *Мнительное* (скептическое): *можемъ ли мы знать что нибудь навѣрное?*—4. *Таинственное* (мистическое): *и на землѣ возможны бесѣды и свиданія съ Богомъ.*—Не очевидны ли взаимныя противорѣчія одного другому и крайняя односторонность этихъ началъ, если которое нибудь изъ нихъ приметъ за всеобщее и единственное, исключающее прочія?—Одно изъ нихъ приводило нѣкоторыхъ къ отверженію міра духовнаго, другое—къ отрицанію вещественнаго, третье—къ презрѣнію всего, четвёртое,—къ обоготворенію всего. Таковы крайности и дальнѣйшія слѣдствія разныхъ ученій! Но нѣтъ ли возможности привесть ихъ, какъ разноцвѣтные лучи одного и единаго свѣта, къ одному средоточію?—Нѣтъ ли возможности возсоединить ихъ, въ одинъ чистый свѣтъ истины? Такимъ образомъ они потеряли бы крайностное, одностороннее самобытное стремленіе, потеряли бы отличительные цвѣта, и не окрашивали бы предъ умственнымъ взóромъ сущности всего сýщаго каждое своимъ цвѣтомъ и своею тѣнью. Чрезъ это потерялась бы самобытность Мудрословскихъ ученій (системъ), но возстановилась бы бытность истиннаго Мудрословія.—Тебѣ ли бѣдная *Попытка*, задýмывать такое дѣло?—Нѣтъ! это не въ силахъ человѣческихъ! Но невозможное для людей—возможно для Бога! Обратимся къ Слову Его! Выразимъ начало Божественнаго Ученія такъ: *Откровеніе одно истинно умудряетъ человѣка и возсоединяетъ его съ Богомъ*, и посмотримъ,

не подойдутъ ли подъ это начало всѣ Мудрословскія начала въ очиткѣ!—*Чего нѣтъ въ чувствѣ, того нѣтъ въ умѣ?* не правда ли?—Сознайся жъ, что однимъ *чувствомъ* ты не разрѣшаешь загадки бытія, именно потому, что она внѣ *чувства*, и слѣдовательно, внѣ *ума;* а бытіе дѣйствительно, истинно, и по свидѣтельству самаго *чувства*: стало, есть *истина*, есть дѣйствительность и внѣ *чувства*, и внѣ *ума*. Но гдѣ она, и что это такое? — Объ ней нѣтъ ничего положительнаго, ничего достовѣрнаго ни въ *чувствахъ*, ни въ *умѣ: а изъ ничего не выйдетъ ничего?* Не ищи же *истины* тамъ, гдѣ ее нѣтъ, или не видно ясно! *Почувствуй*, что *чувства* для этаго недостаточны! Но ты знаешь, что *чего нѣтъ въ чувствѣ, того нѣтъ и въ умѣ* (*кромѣ самаго ума*, который всегда внѣ *чувства*). И такъ *умъ* находитъ мѣсто еще для поисковъ *истины* внѣ самихъ *чувствъ*, именно въ самомъ себѣ. Прекрасно! *Познай самаго себя, и будетъ съ тебя!* Вотъ и позналъ ты себя, и говоришь: *я мыслю, слѣдовательно и существую* дѣйствительно; слѣдовательно существуетъ и то, о чемъ я еще могу мыслить, то есть, Богъ и природа; самыя чувства ощущаютъ природу и даже, относительно Бога, догадываются, что есть нѣчто внѣ ихъ недосягаемо высокое. Однако же, ты видишь, что все въ Богѣ и многое въ природѣ, если не все, выше твоего *ума*, и что было бы весьма не *умно* признавать ложью всё то, чего не нашелъ ты въ *умѣ*, потому только, что оно внѣ твоего *ума:* ты видишь, слѣдовательно, что есть *истина*, есть дѣйствительность и внѣ *чувствъ*, и внѣ *ума*. Но гдѣ она, и что это такое?—И *чувства*,

и *умъ*, говорятъ, что есть что-то, но не говорятъ, что—именно, и гдѣ;—готовы спросить?—не знаютъ, у кого!—готовы вѣрить?—не знаютъ, кому!—Невольно теряешь довѣріе и къ тѣмъ, и къ другому! почему все такъ, а не иначе?—Пусть всё будетъ *такъ?*—нельзя!—Пусть всё будетъ *этакъ?*—не возможно! Итакъ, *знаемъ ли мы, что нибудь навѣрное?*—Нѣтъ! Мы видимъ какую-то необходимость, которой, волею или неволею, а надобно покориться; видимъ опасность увлекаться *умомъ*, готовымъ не вѣритъ самимъ *чувствамъ*, лишь бы не признать за истину того, чего онъ не понялъ; видимъ такую же опасность увлекаться *чувствами*, готовыми оттолкнуть самый *умъ*, когда онъ удерживаетъ ихъ отъ паденія въ бездну погибели, которой они еще не ощущаютъ. Здѣсь *совѣсть*, какъ неусыпный стражъ, неразлучный совѣтникъ и неподкупный судья, говоритъ намъ, что должна быть *истина*, обуздывающая и *умъ*, и *чувства*, силою непреложнаго закона, могущая примирить и воссоединить ихъ. Но гдѣ она, и что это такое?—А нѣтъ ли чего нибудь общаго въ *чувствахъ* и *умѣ*, и не будетъ ли то истина, обуздывающая и примиряющая?—Есть! это *вѣра*, это сознаніе, ничѣмъ неистребимое, что такая *истина* существуетъ; что она потеряна падшимъ человѣчествомъ; что она можетъ не только примирить *умъ* и *чувства*, но и человѣка возсоединить съ Богомъ. Но гдѣ она, и что это такое?—И *чувства*, и *умъ*, и *совѣсть* говорятъ одно и тоже; а три свидѣтеля болѣе—нежели достаточны.—У насъ, Православныхъ, свидѣтельство одного Священника имѣетъ силу двухъ свидѣтельствъ; а *совѣсть* есть истинный Свя-

щенникъ нашего внутренняго прихода: слѣдовательно, ея показанія сильны и тамъ, гдѣ показанія *чувствъ* и *ума* противорѣчатъ, или оказываются сомнительны. Гдѣ же всѣми ими признаваемая *истина*, и что это такое? *Совѣсть* каждаго съ благоговѣніемъ скажетъ: *Откровеніе; умъ*, дѣвственный и не лукавый, сознаётъ превосходство *Откровенія* предъ всѣми его мудрословскими открытіями; *чувства*, не развращенныя и чистыя ничего не находятъ усладительнѣе *Откровенія:* а если скажутъ намъ, что нѣкоторые *умы* и *чувства* противорѣчили сему такъ сильно, что совратили нѣсколько самихъ *совѣстей* съ ихъ убѣжденія и показанія, подкупивъ ихъ гордостью *ума* и сладострастіемъ *чувства;* то мы припомнимъ, что, по нашимъ законамъ, блудники и лихоимцы во свидѣтели не принимаются. — Слѣдовательно Откровеніе одно истинно умудряетъ человѣка и возсоединяетъ съ Богомъ. Цѣлое человѣчество такъ увѣрено въ спасительности для него, во всѣхъ отношеніяхъ, Откровенія, что хваталось даже и за ложныя откровенія. О божественности истиннаго Откровенія сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь доскажемъ только прямое очевидное слѣдствіе, что всѣ частныя *научныя* начала Мудрословія, въ очисткѣ отъ тумана, въ какой вошли крайностями своими, сливаются въ *Духовномъ* или *Откровенномъ* всеобъемлющемъ началѣ, какъ разноцвѣтные лучи въ одномъ чистомъ свѣтѣ, и что истинной мудрости и единственно чистаго и вѣрнаго источника для истинно-единаго, общечеловѣчественнаго Мудрословія должно искать въ Словѣ Божіемъ. Это глубочайшее основаніе и вѣнецъ

истины, добра и совершенства! Такое направленіе Мудрословія начато во многихъ странахъ; гдѣ же оно доведено къ цѣли? всѣ этаго желаютъ, кромѣ лукавыхъ, всѣ ожидаютъ; но, кажется, это предоставлено Россіи, судя по путямъ, какими Провидѣніе ведётъ ее доселѣ.

3.

ИСХОДНАЯ ТОЧКА.

Паденіе человѣка съ высоты райскаго величія, и отдѣленіе, чрезъ то, отъ Бога, было вмѣстѣ и какъ бы распаденіемъ и раздѣленіемъ его *духа*, три-единаго по образу самаго Бога. *Умъ* занёсся гордостью до желанія—проникнуть во внутренній образъ бытія Бога и, такимъ способомъ, сравниться съ Нимъ; внутренняя *чувствительность*, служащая относительно *духа*, а потому, въ просторѣчіи, и называемая, *сердцемъ* (по сходству и взаимодѣйствію духовныхъ движеній съ тѣлесными), двинутая внезапнымъ подъятіемъ *ума*, упала до погруженія во внѣшнюю чувственность; оставалась непоколебимою одна совѣсть,—*совѣсть добрая—гласъ Божій!* Но кому бы она тогда совѣтовала? *Воля*, не какъ самая способность, а какъ внутреннее преимущество способностей нашихъ предъ невольнымъ и безсознательнымъ стремленіемъ животныхъ,—*завела* человѣка *въ неволю* гордости и чувственности, страстей и наклонностей, поставивъ себя на мѣсто *совѣсти*, какъ самозванецъ, въ числѣ способностей *духа*. Вотъ исходная точка шествія *воли* человѣческой отдѣльно отъ

воли Божіей, мудрости человѣческой — отъ Премудрости Божіей, самомудрія отъ Богомудрія! Но какъ всецѣлость жизни *духа* въ человѣкѣ какъ бы распалась, и началась дѣятельность частныхъ разнообразныхъ силъ: то такое раздробительное направленіе отразилось во всей своей полнотѣ и въ Мудрословіи, такъ что только Слово Божіе можетъ возстановить утраченную всецѣлость дѣятельности *духа* въ человѣкѣ. — Исходныя точки извѣстныхъ Мудрословій, по свойству принятыхъ ими началъ, суть изслѣдованія внѣшней природы, или внутренняго человѣка, — достовѣрности познаній, или сообщенія съ Верховнымъ Существомъ. Такимъ образомъ, всѣ Мудрословы, по взгляду, лишенному всеобъемлемости и всецѣлости, раздѣляются на *вещественниковъ* (матеріалистовъ) и *духо́вниковъ* (спиритуалистовъ), а по началамъ *чувствъ* или *ума*, *сомнѣнія* или *вѣры* — на *чувственниковъ* (сенсуалистовъ), *выспренниковъ* (идеалистовъ), *мнительниковъ* (скентиковъ) и *таинственниковъ* (мистиковъ). Воссоедините частные взгляды и начала, устремленные къ крайностямъ, и потому односторонніе и поверхностные въ одинъ всеобъемлющій, всецѣлый взглядъ, въ одно всеобщее верховное начало: тогда чувственность обратится въ очевидность, выспренность — въ духовность, мнительность — въ разборчивость, таинственность — въ преобразовательность, и всѣ вмѣстѣ образуютъ одинъ полный кругъ мудрости. Для насъ это невозможно: однакожъ это именно такъ въ Священномъ писаніи. Тамъ ничто не опущено, и одно другаго ничто не уничтожаетъ. Взглядъ Премудрости Слова

Божія возводитъ умъ нашъ отъ вещественной очевидности къ духовнымъ уразумѣніямъ и созерцаніямъ, и отъ строгой разборчивости въ жизни временной къ прозрѣнію въ жизнь вѣчную, объемля все сущее во всѣхъ отношеніяхъ.

4.

П У Т Ь.

Какимъ путемъ шли досе́лѣ Мудрословія? путёмъ, вытя́гиваемымъ изъ самаго Мудрословія, какъ нить паука, или шелковинка червя! отъ этаго и запутали мы себя собственными измышленіями! отъ этаго кружимся и блуждаемъ по собственнымъ слѣдамъ! Какъ же плаватели пролагаютъ путь и среди моря, гдѣ никакіе слѣды не примѣтны?—По солнцу, лунѣ, звѣздамъ и *притягательной* (магнитной) стрѣлкѣ. Не есть ли Евангеліе то солнце, котораго дѣйствія мы видимъ,—безъ свѣта и теплоты коего мы погибли бы неизбѣжно, но на которое не смѣемъ смотрѣть иначе, какъ сквозь закопченое стекло смиренія, если не желаемъ, чтобы бренный взоръ ума нашего былъ ослѣплёнъ яркостью свѣта? Не есть ли вѣра въ Бога и Христа Его та луна, которая свѣтитъ намъ и въ ночи́ невѣжества и незнанія ни какихъ книгъ, а тѣмъ болѣе мудрословскихъ?—Не представляютъ ли проро́чества тѣ звѣзды, изъ коихъ однѣ предшествуютъ и возвѣщаютъ восхожденіе и мѣсто солнца, а другія восходятъ непосредственно по его закатѣ (Церк. Библ. Ист. Филар)?—Не есть ли совѣсть наша та притяга-

тельная стрѣлка, которая всегда обращается пернатымъ концемъ къ югу тёплой вѣры, и острымъ къ сѣверу холоднаго безвѣрія, какъ бы для пораженія?— Вотъ признаки прямаго пути Мудрословія къ истинѣ! Напрасно въ разныя времена болѣзненно слѣпотствующіе и потому убѣгающіе свѣта старались произвести гибельный разрывъ Мудрословія съ Словомъ Божіимъ. Въ душѣ истиннаго мудреца Слово Божіе и Мудрословіе соединены совершенно; но существуютъ, не смѣшиваясь, и различаются, не уничтожая одно другаго. Православный Христіанинъ ни мало не страшится Мудрословія, которое идётъ за нимъ въ храмъ,— жилище вѣры, единственно для того, чтобы размышленіемъ уяснить тѣ истины, кои открываетъ вѣра, и чтобы мышленія ума совершенно и окончательно повѣрить и освятить глаголами ума Творческаго и безконечнаго (Ист. Фил. Арх. Гавр).

5.

СПОСОБЪ.

Способъ Мудрословій бываетъ, преимущественно, въ отношеніи къ изложенію, или поучительный, или разсуждательный, а въ отношеніи къ изслѣдованію,—или опытный, или умозрительный,—или разлагательный или слагательный. У *чувственниковъ*, опытный способъ прилагается къ изученію внѣшняго міра; но потомъ восходитъ и къ началу помысловъ. Они умствуютъ путемъ вывода; вдаются въ раздѣленія и обобще-

нія; нѣкоторые изъ нихъ отвергаютъ дѣйствительность всякаго начала; объясняютъ Душесловіе посредствомъ *Естествословія* (Физіологіи); увеличиваютъ вліяніе языка на образованіе понятій;—пристрастны къ назвательности (номиналисму). *Выспренники* разбираютъ и распредѣляютъ способности души; они бываютъ склонны къ Своду ученій, или свидѣтельству изъ Бытописи; у нихъ усматриваются сходство языковъ и явленія естественныя, какъ данныя, замѣченныя въ сознаніи человѣческомъ. Они слѣпо вѣруютъ въ ходъ созерцательнаго способа, исключительно довѣрчивы къ *умослосному* доказательству, и напрягаютъ *чистительный* выводъ. — *Мнительники* силятся открыть противорѣчія въ устройствѣ (системѣ) разныхъ ученій; злоупотребляютъ искуство *Словопренія* (Діалектики); между ними царствуетъ война и разрушеніе однихъ ученій другими, судъ тонкій, но поверхностный. *Таинственники* умствуютъ наведеніями, взятыми или изъ самыхъ удивительныхъ данныхъ преданія, или изъ извѣстныхъ помысловъ, почерпнутыхъ въ созерцаніи и восторгѣ; впадаютъ въ легкомысліе и суевѣріе. — Способъ Божественнаго Ученія всесовершенъ. Слово Божіе въ одинъ и тотъ же разъ, въ одинъ пріёмъ учитъ съ властію, и возбуждаетъ свободу мыслей и дѣлъ; останавливается на вседневномъ *опытѣ*, и наводитъ на высочайшія *умозрѣнія;* входитъ въ малѣйшія подробности, и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. На основаніи Священнаго Писанія, внутренній міръ объясняется внѣшнимъ. Помощію опыта, умозаключеній и помысловъ пріобрѣтается всякое основательное познаніе.

Естественное познаніе повѣряется сверхъестественнымъ, Откровеннымъ (Ист. Фил. Арх. Гавр.).

6.

УСТРОЙСТВО.

Во всякомъ Мудрословскомъ ученіи основное *начало* или—не единственно,—или не всеобще, или—не совершенно первое, а *конецъ* и во все невидѣнъ, какъ нѣчто будущее, неизвѣстное въ настоящемъ; отъ этаго и внутреннее устройство (система) или наукопостроéніе ихъ не есть что́ нибудь всеобъемлющее, полное, законченное. — *Чувственники* объясняютъ отношенія *человѣка* къ *природѣ* чувственностью; полага́ютъ начало мысли и воли въ чувствованіи, такъ что мысль, преобразуясь, дѣлается преемственно вниманіемъ, сужденіемъ, сравненіемъ, и умозаключеніемъ. Они принимаютъ за единственную сущность міра полую вещественность. Напротивъ того, *выспренники* признаю́тъ *и́сты* или по́мыслы, какъ необходи́мыя и независимыя начала внѣшнихъ явленій; принимаютъ *разумъ* за мѣрило *истины;* исходятъ отъ находящейся въ *умѣ исты* безконечнаго единства; отвергаютъ вещественность конечнаго и множественнаго; заключаютъ и *личность* (субъектъ) и *наличность* (объектъ) въ *первообразѣ* (идеалѣ); представляютъ внѣшній міръ, какъ зрѣлище многообразнаго, тѣнью единства; нѣкоторые заключаютъ и *наличность* міра и первообразъ его въ *личности человѣка;*—переходятъ отъ *Душесловія* къ *Существословію.* — *Мнителыники*, не имѣя силъ объяснить

чувственнымъ опытомъ отношеніе *личности къ наличности*, отвергаютъ и ту и другую, или утверждаютъ, что невозможно ученымъ образомъ удостовѣриться въ ихъ вещественности. *Таинственники* основываются на самостоятельной *истинѣ*, недостижимой обыкновеннымъ ходомъ познанія; возвышаютъ душу къ Богу, источнику всякаго познанія, началу счастія, единственному существенному бытію, и, увлекаясь восторгами, предаются мечтательности, иногда *всебожію*, или же *самобожію*. — Ученіе Слова Божія устроено такъ, что все въ немъ выходитъ изъ одного, истинно перваго и общаго *начала*, и приходитъ къ одному, истинно послѣднему и общему *концу*, покоящемуся въ самомъ *началѣ*. На основаніи Слова Божія, Богъ есть безконечная *истина*, безконечное *добро*, безконечное *совершенство*; міръ есть его конечное благопроизвольное твореніе, отличное, по сущности, отъ Творца; духовная и вещественная природы суть произведенія единой Божіей Премудрости, и одна другой не противорѣчатъ (Ист. Фил. Арх. Гавр).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О НАУЧНЫХЪ ОСНОВАНІЯХЪ МУДРОСЛОВІЯ.

И такъ, зачѣмъ строить зáмки на воздухѣ, когда и малѣйшее зданіе не устоитъ безъ прочнаго основанія, а мы нашли самое благонадежное? — 1. Ни одно

Мудрословіе не восходитъ своею древностью до появленія въ мірѣ Священнаго Писанія и, слѣдовательно, никакъ не могло сдѣлать на него своего вліянія.—2. Ни одно Мудрословіе не объемлетъ взгляда Премудрости Божественной, тогда какъ она объемлетъ и уясняетъ всѣ Мудрословскіе взгляды, всѣ начала и основанія: и какъ она существовала прежде всѣхъ Мудрословій; то не приняла отъ нихъ, а сообщала имъ всевозможные взгляды и основанія, понятые нами превратно, употребленные во зло падшимъ человѣчествомъ, присвоенные гордымъ умомъ, извращенные, изуродованные, раздробленные нашею суетою.—3. Какъ *умъ* вышелъ изъ назначенныхъ ему границъ, а внѣ ихъ ничего не постигаетъ;—внутреннее *чувство* или благородное *сердце*. стѣснено и смѣщено внѣшнею, тѣлесною чувственностію; а добрая *совѣсть* замѣнена необузданною *волею:* то, человѣкъ, при всѣхъ выходахъ на изслѣдованія, касается только частностей, крайностей, поверхности *существа* или *бытія*, и не можетъ всецѣло отразить его своею мыслію, безъ помощи Слова Божія.—4. Всякое Мудрословіе, какъ только въ пути своемъ къ *истинѣ* потеряетъ путеводное свѣтило вѣры, кружится подобно кошкѣ, гоняющейся за хвостомъ своимъ.—5. Способы мудрословія, *опытъ* и *умозрѣніе*, по видимому раздѣльные, соединяются на самомъ дѣлѣ, *вѣрою* въ *чувство* и *умъ*, а безошибочны только при *вѣрѣ* въ *Откровеніе*.— 6. Отъ всѣхъ сихъ недостатковъ нашего самомудрія, устройство Мудрословія, то и дѣло что подвергается перестройкамъ, а остается по прежнему неудобнымъ, и останется такимъ же на всегда, если не

утвердится на Священномъ Писаніи, оставя свои частныя и зыбкія основанія.—Слѣдовательно, между тѣмъ какъ Мудрословіе основывается на *умозрѣніи* (обманчивомъ или необманчивомъ) и *опытѣ* (безошибочномъ или ошибочномъ),—Слово Божіе составляетъ глубочайшее, и потому невидимое, истинное основаніе непогрѣшительнаго *умозрѣнія* и неложнаго *опыта*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СЛОВО ВОВРЕМЯ И КСТАТИ—СИЛЬНѢЙ ПИСЬМА И ПЕЧАТИ,

или

ОТНОШЕНІЯ ЧУВСТВЕННЫХЪ ИЛИ ОПЫТНЫХЪ ОСНОВАНІЙ МУДРОСЛОВІЯ КЪ ДУХОВНЫМЪ ИЛИ ОТКРОВЕННЫМЪ И УМСТВЕННЫНЪ ИЛИ НАУЧНЫМЪ.

Пословицы вообще примыкаютъ—по времени происхожденія и образу выраженія къ бытописному развитію человѣчества и народовъ,—по духу назиданія, особенно Русскія, къ Слову Божію,—а по вещественному содержанію—къ Мудрословію, именно, какъ *гласъ народа—гласъ Божій.*

1.

Отношеніе пословицъ къ бытописному развитію человѣчества и народовъ.

Очевидно, пословицы суть послѣдніе остатки неписьменной и отдаленнѣйшіе начатки и основанія пись-

менной умственности народовъ.—Изреченія людей, по словамъ Снегирева, превосходныхъ умомъ и долговременною опытностью, утверждаясь общимъ согласіемъ, составляютъ мірской приговоръ, общее мнѣніе, одно изъ тайныхъ, но сильныхъ, искони сродныхъ человѣчеству средствъ къ образованію и соединенію умовъ и сердецъ. Въ такихъ пословицахъ древнія времена міра предали потомству правила нравственности и благоразумія, или достопамятныя событія и необходимыя наблюденія о природѣ; а потому самому и сдѣлались эти изреченія важными для бытописи ума человѣческаго; ибо въ нихъ отсвѣчиваются внутренняя жизнь народа, отличительныя его свойства и господствующія въ немъ мнѣнія; въ нихъ тѣсно соединяется настоящее съ прошедшимъ и будущимъ, семейный бытъ съ народностью, а народность съ человѣчествомъ. Поелику здравый смыслъ и народная мудрость есть правило, свыше внушенное человѣку и сохраняющее вездѣ въ существѣ своемъ первобытное единство: то и пословицы, какъ правила народнаго благоразумія, имѣютъ почти одинаковый смыслъ у всѣхъ племенъ древнихъ и новыхъ, хотя въ выраженіи своемъ и представляютъ разнообразіе отъ мѣстныхъ причинъ и отъ особеннаго взгляда на предметы. Въ частныхъ же случаяхъ и отношеніяхъ всякаго народа есть разница, которая отличаетъ пословицы, притчи и поговорки каждаго: онѣ суть изображеніе его ума и воображенія, рѣзкое выраженіе обитаемой имъ полосы, духа его вѣры, правленія, воспитанія, его нравовъ и обычаевъ, его бытописи; и если переходятъ онѣ иногда изъ одного

языка въ другой, то непосредственно облекаются его особенностью и причудливостью. Ни въ какомъ употребленіи рѣчи столько не обнаруживается свойство и образъ мыслей народа, или, лучше сказать, весь народъ, какъ въ своихъ пословицахъ, въ коихъ онъ *оличáетъ* себя; сравненіе ихъ очень наставительно и занимательно. Такимъ образомъ примѣры обратились въ правила, или въ примѣненіе къ обыкновеннымъ случаямъ жизни, облекаясь притчею или иносказаніемъ. Восточные народы преимущественно богаты пословицами и притчами, и сравниваютъ ихъ съ *неначизанными жемчужинами*. Сирскіе и Палестинскіе народы, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, любили къ словамъ присоединять притчу, дабы слушáтели, при пóмощи подобій и примѣровъ, лучше помнили тò, что могли бы забыть въ прóстомъ предписаніи. Для всякаго народа важны свои отечественныя пословицы и поговорки, въ бытописномъ, словесномъ, мудрословскомъ, ученомъ, гражданскомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Посему ихъ ревностно собирали всѣ народы. Нѣкоторыя пословицы, по видимому, неназидательныя, суть только насмѣшки (иронíи). Низкія пословицы суть передѣлки и принадлежность пустыхъ головъ, какъ и всякія побранки. Грубость и не приличіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, пословамъ Снегирева, относятся къ тѣмъ временамъ простоты и необразованности, когда нравы были цѣломудреннѣе языка, когда прямо, безъ околичностей, порокъ называли порокомъ, а добро добромъ.

2.

Отношеніе пословицъ къ Священному Писанію.

Пословицы всѣхъ народовъ, болѣе или менѣе, сохраняютъ на себѣ печать Божественной Премудрости, или — удержаніемъ остатковъ выраженія мудрости, вдохнутой Богомъ въ человѣка вмѣстѣ съ духомъ, и пробуждаемой опытомъ, или—воспріятіемъ выраженій Премудрости Божіей изъ священнаго Писанія и приложеніемъ оныхъ къ опыту. Такъ блаженный Іеронимъ почитаетъ ихъ не простыми правилами, но заключающими въ себѣ сокровенный божественный разумъ, какъ золото въ землѣ, орѣхъ въ скорлупѣ. —Употребительнѣйшій обликъ Библейскаго изложенія нравственныхъ истинъ есть пословица — въ видѣ притчи или краткаго иносказанія. Наиболѣе такихъ изреченій находится въ Іовѣ, Екклесіастѣ, Іисусѣ сынѣ Сираховѣ, особенно же въ Притчахъ Соломоновыхъ. Соломонъ кромѣ сего изглаголалъ три тысячи притчей (3 кн. Царств. Гл. IV. ст. 32). Въ его время изученіе притчей было главнѣйшимъ занятіемъ мудрецовъ (Притч. Сол. Гл. I. ст. 5—6); о подобномъ же изученіи оныхъ говоритъ Іисусъ сынъ Сираховъ (Гл. XXXIX. ст. 1—3).— Изъ Притчей Соломона можно *познáти премудрость, и уразумѣти словесá мудрости, пріáти же извúтія словесъ, и разрѣшéнія гаданій, уразумѣти же прáвду истинную, и судъ исправляти. Сихъ бо послушавъ мудрый, премудрѣе будетъ, а разумный строúтельство стяжетъ; уразумѣетъ же прúтчу и тéмное слово, реченія премудрыхъ и гаданія.* (Кн. Притч. Сол.

Гл. I. ст. 1—3; 5—6). Іисусъ сынъ Сираховъ говоритъ: *то́чію вдающій душу свою и размышляющій въ Законѣ Вышняго, премудрости всѣхъ дре́вніихъ взыщетъ, и въ проро́чествіихъ поучи́тися будетъ; по́вѣсти мужей имени́тыихъ соблюде́тъ, и во изви́тія притчей совнидетъ: сокрове́нная притчей изыщемъ, и въ гада́ніи притчей поживе́мъ* (Іис. сын. Сир. Гл. XXXIX. ст. 1—3). Нерѣдко пословицы, исконй существовавшія, приво́дятся въ священномъ Писаніи. *Якоже глаго́лется при́тча дре́вняя: отъ беззако́нникъ изыдетъ преступле́ніе* (1. Цар. Гл. XXIV. ст. 14). — Очень многія изреченія священнаго Писанія, какъ вещественныя выраженія духовнаго назиданія, обратились въ пословицы, на примѣръ: *Богъ далъ, Богъ и взялъ* (Іов. Гл. I. ст. 21); *не всякому слову вѣрь* (Сирах. XIX. ст. 16); *первая брань лучше послѣдней* (2 Цар. XIII. ст. 16); *не рой другому яму, самъ попадешь* (Псал. VII. ст. 16—Сирах. Гл. XXVII. ст. 29); *отцовская клятва сушитъ, а материна коренитъ* (Сирах. Гл. III. ст. 9); *за друга поручишься, отъ не́друга помучишься* (Притч. Сол. Гл. VI. ст. 1); *горе тебѣ, го́родъ, когда Князъ твой молодъ, а бояре твои спозаранку берутся за чарку* (Еккл. Гл. X. ст. 16). Но такіе примѣры не исчислимы. — Іисусъ Христосъ для назиданія народа отверзалъ уста Свои въ притчахъ (Мат. XIII. ст. 35 пс. LXXVII. ст. 2.). Очевидно, что нѣкоторыя притчи и пословицы, въ Новомъ Завѣтѣ, заимствованы были Спасителемъ изъ общежитія, для предложенія высокихъ правилъ небеснаго ученія, въ такихъ выраженіяхъ, которыя обращались въ народѣ; ибо гораздо

сильнѣе поражаютъ народъ истины, основанныя на извѣстныхъ ему случаяхъ и доступныхъ для него началахъ, безъ напряженія ума. Такая притча, по словамъ Ф. Шлегеля, есть не какое нибудь произвольное пѣснопѣтельное (поэтическое) иносказаніе, или глубокомысленно сокровенное изображеніе естества; но иносказаніе или сравненіе народное, заимствованное изъ жизни и обыкновенныхъ ея явленій, коимъ облекается здѣсь вѣчная истина. Мнѣнія Еллинскихъ Мудрослововъ и Пѣснопѣвцевъ, приводимыя Св. Апостоломъ Павломъ въ посланіяхъ, походятъ на такія пословицы, какими дѣлаются счастливые стихи и изреченія любимыхъ писателей. Подобныя изреченія встрѣчаются въ твореніяхъ Св. Василія Великаго, Св. Григорія Назіанзина и другихъ Святыхъ отцевъ Восточной церкви.— Меланхтонъ, С. Мюнстеръ, Камерарій, Друзъ, Буксторфъ, Вареній, І. Шеллингъ, І. А. Шмидъ, І. Сербе, А. Ю. Фонъ-Гардтъ, нетолько занимались собраніемъ и объясненіемъ Еврейскихъ пословицъ, встрѣчающихся въ священномъ Писаніи, но писали разсужденія и на одну притчу или пословицу.

3.

Отношеніе пословицъ къ Мудрословію.

Почти всѣ пословицы, какъ изреченія, остроумныя, краткія, хотя иногда тёмныя и даже загадочныя, но важныя по содержанію, излагаютъ частный опытъ въ видѣ общаго правила, или общее правило въ видѣ частнаго примѣненія къ случаю, руководствуя къ благоразумію и добродѣтели, наставленіемъ, или сравне-

ніемъ, —одобреніемъ, или насмѣшкой. Основаніе пословицъ сокрыто въ духѣ народовъ, въ его направленіи, развитіи и назначеніи. Евреи называли притчу *машаль*, что значитъ подобіе, а Арабы *мисль*: *машаль* и *мисль* (пусть будетъ *мысль!*) означаютъ такъ же *господствованіе;* ибо пословицы суть мнѣнія, мысли господствующія. Сходно съ Евреями и Греки —называли такія изреченія *владычествующими*, а Римляне *господствующими приговорами*. Достопамятныя изреченія великихъ людей Рима были приводимы знаменитыми витіями на сходкахъ народныхъ и въ Сенатѣ, какъ драгоцѣнные плоды опыта и размышленія, какъ правила добродѣтели и мудрости. Римскіе Императоры рѣшали иногда пословицами важныя дѣла.—Очень любопытны для Бытописца и Мудрослова, достигшія до насъ, такъ называемыя, Одиновы правила, писанныя пословицами. Датскіе законовѣдцы, Гедегордъ, Нюрупъ и Сювъ разсматривали пословицы, какъ остатки неписьменныхъ и основанія письменныхъ законовъ. Товій Писторій и І. Ф. Ейзенгартъ излагали пословицы Германскія, какъ основаніе правъ, а другіе писали глубокомысленныя разсужденія на отдѣльныя судебныя пословицы; Проповѣдники же, Рамашъ, Демме, Цереннеръ, Шварцъ, Геймъ, Царнакъ, избирали оныя за предложенія поученій, писанныхъ для церковнаго и домашняго чтенія. Изъ нравственныхъ пословицъ Нѣмецкіе мудрословы составили стройное (систематическое) народное Нравоученіе, а врачи изъ врачебныхъ народное Врачесловіе (Медицину). Пословицы, какъ опредѣляетъ Линде, въ словарѣ Славянскихъ

наречій, будучи слѣдствіемъ опыта, заключаютъ въ себѣ хорошую мысль, счастливо выраженную. Онѣ, продолжаетъ Копчинскій, суть мнѣнія о естественныхъ или нравственныхъ предметахъ, свойственныя всякому народу. Бэконъ говоритъ, что, какъ изображенія древнѣе письменъ, такъ притчи—доказательствъ. По свидѣтельству Платона, путешествуя по Аттикѣ, можно было научиться нравственности изъ чтенія (на придорожныхъ каменныхъ столбахъ), пословичныхъ надписей, заключавшихъ въ себѣ сѣмена мудрости и первыя начала Мудрословія. Древніе мудрецы у Грековъ довольствовались начертаніемъ главныхъ и общихъ для жизни человѣческой правилъ, кои, заключая въ себѣ пословицы, или обращаясь въ пословицы, составляли народное Нравоученіе и Законоположеніе. Онѣ, говоритъ Аристотель (у Синезія), суть остатки древняго Мудрословія, теряющагося среди величайшихъ утратъ человѣчества, и сохранены по своей краткости, красотѣ и остроумію. Въ пословицахъ, говоритъ Димитрій Фалерейскій, заключены силы всѣхъ истинъ, какъ въ сѣменахъ собраны силы всѣхъ деревьевъ. Дѣйствительно, въ пословицахъ, особенно Русскихъ, какъ видно изъ превосходнаго ученаго изданія Снегирева, разсѣяны важнѣйшія *истины*, доступныя всякому здравомыслящему человѣку, безъ напряженія ума,—*чувственныя* или *опытныя*, *умственныя* или *научныя* и *духовныя* или *откровенныя* *.

* Такія пословицы приведены въ систему, подъ названіемъ: *Старинная пословица во вѣкъ несломится*, или *Опытныя Основанія С. Р. И М.* Харьк. 1847. вт. изд. 1848 г.

4.

О Русскихъ пословицахъ.

Русскія пословицы, какъ сознала Екатерина Великая, изощряютъ разумъ и придаютъ силу рѣчамъ. Онѣ, по опредѣленію Шишкова, суть краткія поученія, содержащія въ себѣ всѣ нужнѣйшія въ общежитіи добродѣтели, и показывающія благіе нравы тѣхъ, между которыми такія правила существовали. — Сверхъ церковнаго наставленія, замѣчаетъ Карамзинъ, и мудрыхъ изреченій Св. Писанія, которыя врѣзывались въ памяти людей, Россія имѣла особенную систему нравоученія въ своихъ пословицахъ. Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты, наблюденія, достопамятныя мысли, въ вѣкъ малограмотный, сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ; тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Добрый купецъ, бояринъ, рѣдко письменный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейственную пословицу. — Источниками, говоритъ Снегиревъ, Русскихъ пословицъ и поговорокъ, сихъ завѣщаній предковъ къ потомству своему, служили: 1) опыты жизни, гдѣ частное обращается добровольно и случайно въ общее достояніе, какъ назидательный примѣръ; ибо между Русскими пословицами находятся указанія почти на всѣ обстоятельства жизни семейной и общественной. — 2. Бытописныя событія и лица, о коихъ упоминанія примѣняются къ частнымъ

происшествіямъ, или просто передаются отъ предковъ къ потомкамъ; ибо *по старой пословицѣ, какъ по грамотѣ*, говоритъ пословица — 3, Старинныя рѣшенія и приговоры на мірскихъ сходкахъ и вѣчахъ, самыя слова изъ существующихъ законовъ и постановленій, въ кои нерѣдко входятъ и древнія пословицы. Сюда же относятся и судебные обычаи, выраженные поговорками и пословицами.—4. Изреченія изъ Св. Писанія и Божественной службы, какъ доказательства благочестія, исконй сроднаго нашимъ предкамъ. — 5, Мнѣнія и пословицы, заимствованныя изъ чтенія иностранныхъ и отечественныхъ писателей, или изъ обращенія съ чужеземными народами.—6, Острые отвѣты, шутки и частные случаи въ народѣ, сдѣлавшіеся общими и составляющіе знаменіе жизни умственной и нравственной, общественной и семейственной.—И такъ, изъ какихъ бы источниковъ не происходили наши пословицы, а лучшія изъ нихъ частію взяты прямо изъ Священнаго Писанія, Богослуженія и книгъ Церковныхъ, частію же, подтверждены изустными поученіями пастырей Церковныхъ и вообще вліяніемъ вѣры на всѣ отношенія жизни народа, не волнуемаго блудными измышленіями суетныхъ умовъ. Такимъ образомъ, по Мудрословію нашихъ пословицъ, *Русской умъ—вѣра, Православіе*; *Русская воля—совѣсть, законъ, Самодержавіе*; *Русское чувство—любовь хлѣбосольство, братолюбіе, народность:* ибо что говорятъ Русскія пословицы о предметахъ дѣятельности сихъ способностей духа, *правдѣ, благѣ, лѣпотѣ* или *совершенствѣ*? *Правда живетъ у Бога: благо-жить о Христѣ*;

лъпо—въровать слъпо. Слѣдовательно можно сказать: *у насъ исты богомудро чисты;* особый ихъ *изводъ отличаетъ народъ*; но *слова, что волна, глаголы— полы; а всему голова правота и дъла.*

5.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О ПОСЛОВИЧНОМЪ МУДРОСЛОВІИ.

И такъ пословицы вообще, примыкая опытомъ къ Бытописи, умозрѣніемъ—къ Мудрословію, назиданіемъ—къ Слову Божію, были первымъ выраженіемъ пробуждаемой и оплодотворяемой опытомъ мудрости, вдохнутой Богомъ въ человѣка вмѣстѣ съ духомъ, служили вещественнымъ выраженіемъ духовнаго назиданія въ Священномъ Писаніи, и, заключая въ себѣ первобытное единство, брачное сочетаніе *опыта* съ *умозрѣніемъ*,—положили глубоко-зарытое въ древности сѣмя истиннаго Мудрословія.—Разводъ *умозрѣнія* съ *опытомъ*, какъ расторженіе законнаго брака, объявивъ умозрѣніе сначала пущеницею, потомъ сдѣлалъ оное и блудницею, и былъ, наконецъ, причиною всѣхъ блудныхъ изданій *опыта* и *умозрѣнія*, блудствовавшихъ и блуждавшихъ по разнымъ мѣстамъ и временамъ. Для возрожденія истиннаго Мудрословія надобно искать *опыта*—дѣвственника въ народныхъ пословицахъ, *умозрѣнія*—дѣвственницу въ очищеніи, соглашеніи, возсоединеніи частныхъ ученій,—произвести Церковный обыскъ о безпрепятственности къ браку, сочетать и увѣнчать

ихъ благословеніемъ Слова Божія. Напрасно нѣкоторые Мудрословы считаютъ или только выдаютъ измышленія своего чисто-личнаго ума за достояніе цѣлаго человѣчества или за плодъ ума человѣчественнаго, безличнаго; гораздо справедливѣе, тѣ, кои принимаютъ въ основаніе Мудрословія не выспренній, напряженный, раздраженный разумъ-самолетъ, а общій здравый смыслъ-прямоходъ. Вступленіе же на путь здраваго смысла непосредственно, особливо у насъ, Русскихъ, вводитъ и въ пословицы. Слѣдовательно Народное Мудрословіе—возможно, и не какъ частное и предразсудочное ученіе, а какъ самое общечеловѣчественное единственно истинное Мудрословіе, облеченное только въ мѣстную одежду живаго, общепонятнаго, естественно—народнаго языка.

ОПЕЧАТКИ:

стр.	строка.	напечатано:	должно читать:
9	17	примущественно	преимущественно
17	14	и спасенному	а спасенному
20	11	Таинственноость	Таинственность
23	17	тайнство	таинство
24	20	состряпого	состряпаю
30	9	здѣнія	зданія
—	13	Вгляните	Взгляните
—	16	доводить	доводить
33	23	откровеніе	Откровеніе
35	16	различныя	различные
—	28	звачитъ	значитъ
36	16	самостоятельнымъ	самостоятельнымъ,
—	17	когда мы,	когда мы,
37	27	своей. Онъ	своей Онъ
38	12	присобленную	приспособленную
—	24	сущности,	сущности сущаго,
40	20	образонъ	образомъ
—	24	вовсоединимъ	возсоединимъ
53	26	преобразовательность	прообразовательность
56	12	чистительный	числительный
65	6	изыщемъ	изыщетъ
—	7	пожпвемъ	поживетъ
—	26	правилъ	правилъ
70	3	пословици	пословица.

АНТИКВАРНАЯ
К
В
С

375

Цѣна за 7 частей 3 руб. серебромъ, а порознь каждый выпускъ 50 коп. сереб.